

Вадим Караваев

Наследие предков

Том I. Горы будут молчать

Вадим Караваев

**Наследие предков. Том
1. Горы будут молчать**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Караваев В. В.

Наследие предков. Том 1. Горы будут молчать / В. В. Караваев —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

В 2001 году в высокогорном районе Чечни с радаров пропадают два российских штурмовика Су-25. Брошенный на их поиски отряд спецназа ГРУ в скором времени эвакуируют в состоянии полной небоеспособности, а спецоперацию засекречивают и всеми силами пытаются не допустить огласки. С чем же столкнулись спецназовцы в лабиринтах пещер Кавказского хребта, и что могло так переполошить высших чинов ФСБ и ГРУ? Героям книги предстоит окунуться в загадочное и страшное наследие древних цивилизаций, к обретению которого так сильно стремились спецслужбы Третьего рейха и СССР, битва за которое не утихает до сих пор на всех континентах. Содержит нецензурную брань.

© Караваев В. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 1. Горы будут молчать	6
Глава 1. Ни забыть, ни вспомнить	6
Глава 2. Вопросов больше, чем ответов	11
Глава 3. Старая гвардия	18
Глава 4. Преданья старины глубокой	22
Глава 5. Все новое – это хорошо забытое старое	28
Глава 6. Бой у заброшенной штольни	34
Глава 7. Гость из прошлого	40
Глава 9. В дорогу дальнюю	51
Глава 10. Шейх	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Светлой памяти Черноброва Вадима Александровича, Жарниковой Светланы Васильевны и Склярова Андрея Юрьевича посвящается.

*Все события и персонажи книги вымышленные.
Возможные совпадения случайны.*

Часть 1. Горы будут молчать

Глава 1. Ни забыть, ни вспомнить

Ближайшее Подмосковье, октябрь 2003 года. Закрытый военный госпиталь для сотрудников Минобороны.

Капитан Глеб Куренной снова не спал всю ночь. Это продолжалось уже шестые сутки. Если бы не дневные выключения на пять-десять минут, то он давно бы перестал ощущать тонкую грань между реальностью жизни в закрытом специальном учреждении, формально относящемся к оборонному ведомству, и яркими, предельно живыми снами, в которые он уже почти месяц начал спонтанно погружаться. К восьми утра, как обычно, пришли несколько врачей в палату и стали что-то тихо обсуждать между собой, ковыряясь в стопке каких-то бумаг, лент кардио- и энцефалограмм и прочей медицинской макулатуры. После утреннего осмотра и капельниц день продолжался по накатанному сценарию: капитана либо везли в кабинет к Константину Григорьевичу – одному из светил закрытого института экспериментальной психиатрии, чьим отнюдь не добровольным пациентом был Глеб. Константин Григорьевич обычно подолгу беседовал с Глебом на различные темы. Большую часть обсуждаемых вопросов Глеб, как ни странно, вспомнить потом вообще не мог. А то что вспоминал, были банальные темы про семью, детство, школу и прочие малоинтересные вехи биографии будущего офицера отряда специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. Второй же альтернативой дневного времяпрепровождения было посещение так называемых «спецпроцедур», представляющих собой обкалывание пациента чудодейственными препаратами, от которых сознание уходило куда-то далеко за пределы измученного тела, с последующим подключением к огромным аппаратам с кучей проводов и цветными мониторами. В последнем случае Глеб приходил в себя только к вечеру следующего дня, так как сознание напрочь отказывалось воспринимать реальность происходящего, а образы и картины подсознания всплывали яркими эпизодами перед глазами, как только он закрывал глаза.

Глебу было уже все равно, что начнут сегодня предпринимать «мозговеды», чтобы выудить из памяти офицера интересующую информацию, которую сам он при всем желании не мог вспомнить. И в этот день Глеб в кабинете Константина Григорьевича увидел странного человека неопределенного возраста, сидящего в пол-оборота к присутствующим хозяину кабинета и прибывшему пациенту. Человек был одет в медицинский халат, небрежно брошенный на плечи поверх серого делового костюма. Он встал, протянул руку в знак приветствия Глебу и пронзительно посмотрел в глаза изможденному офицеру. Глеб успел только заметить, что этот человек вообще не имел особых примет: среднего роста, среднего телосложения, среднего возраста. Сколько ни старался Глеб потом определить возраст человека, но так и не смог: можно с уверенностью было сказать, что ему сорок лет, а можно, что шестьдесят – это не вызывало противоречий при оценке внешности данного «здравоохранителя» в штатском. Константин Григорьевич посадил Глеба в привычное глубокое кресло и затем поспешно вышел из кабинета, закрыв дверь снаружи. Глеб не совсем понимал, что стало происходить, но сознание сначала поплыло, а потом перед глазами, как на киноплёнке, пошли воспоминания двухгодичной давности. Когда несколько разведывательно-диверсионных групп отдельного отряда спецназа ГРУ, дислоцированного в не приметной воинской части с номером 32 111 рядом с подмосковным Наро-Фоминском, в тот момент находящихся в командировке на территории охваченной боевыми действиями Чеченской Республики, получили неожиданный приказ. Отряд имел непосредственное подчинение Главному разведуправлению и даже для своих коллег из бригад спецназа был практически неизвестен, так как по придуманной для всех легенде при встрече

с бывшими сослуживцами бойцы нового спецотряда рассказывали, что теперь служат в спецбатальоне охраны особых стратегических объектов. У собеседников, как правило, такой ответ вообще не вызывал какого-либо удивления, потому что многие прекрасно знали о том, что в подобные подразделения, соблазняя приличным жалованием, в основном набирали бывших спецназовцев всех мастей, начиная от военной разведки, заканчивая спецназами внутренних войск МВД и УИНа, а из-за повышенного уровня секретности вопросы о служебной деятельности в разговорах не присутствовали.

Кадровый состав нового отряда был сформирован в конце девяностых из офицеров, прапорщиков и контрактников сержантского состава спецназа ГРУ, имевших солидный опыт боевых действий и высокий уровень боевой подготовки. А главнейшим критерием профпригодности была весьма специфическая характеристика – способность выполнять, не задумываясь, приказы на ликвидации кого бы и где бы то ни было. Так сказать, развитый «инстинкт убийцы», но в той степени, чтобы он не влиял на критичность мышления и способности к четкому выполнению поставленной задачи. Проще говоря, государству нужны были преданные, холодные и расчетливые убийцы, а не стадо полубезумных берсерков с патологической жадой крови. Вербовка в отряд шла по всем тогдашним бригадам спецназа и подразделениям войсковой разведки, но куда и зачем вербуют, никто толком не знал. Лишь позже, прослужив несколько месяцев, бойцы стали понимать, почему держится настолько высокий уровень секретности, ведь основной задачей вновь сформированного отряда было физическое устранение руководителей незаконных вооруженных формирований внутри и за пределами государства. Необходимость наличия такого подразделения с весьма узкой специализацией была продиктована реалиями второй половины девяностых годов прошлого столетия. Бойцы отряда не раз выполняли задачи по физическому устранению не только лидеров боевиков на Северном Кавказе, но и представителей высших кругов криминалитета, неудобных политиков, сотрудничавших с иностранными спецслужбами или теми же боевиками, предателей Родины и прочих нежелательных с точки зрения ГРУ персонажей российской действительности, каким-то образом перешедших дорогу официальной власти.

О существовании данного отряда вообще не знал никто, кроме нескольких высших офицеров 8-го диверсионного управления ГРУ и руководства «Аквариума», то есть Главразведуправления Генштаба, называвшегося так за внешний вид полностью застекленного здания штаб-квартиры, расположенного в Москве в районе старой Ходынки. Но события в Чечне внесли и свои коррективы в деятельность спецотряда, по праву считавшегося одним из самых боеспособных спецподразделений в вооруженных силах. И хотя бойцы регулярно получали задания на устранение лидеров боевиков или захват в плен «языков», тем не менее большую часть времени спецназовцам приходилось выполнять стандартные разведывательно-диверсионные задачи.

Карьера капитана Глеба Куренного складывалась вполне обыденно для офицера спецназа: Новосибирское высшее командное училище, служба в 3-й бригаде спецназначения, активное участие в первой чеченской кампании. А вот вторая чеченская застала Глеба уже в рядах нового спецотряда в должности командира разведывательно-диверсионной группы. Среднего роста, сухощавого телосложения, с коротко стриженными светло-русыми волосами, Глеб ничем особым не выделялся в толпе, разве что армейской выправкой и всегда до блеска начищенной обувью. После первой чеченской кампании успел жениться и завести ребенка. Но, впрочем, жена и подрастающий сынишка папку чаще всего видели на семейных фотографиях, стоявших на комод в спальне небольшой двухкомнатной квартиры в военном городке на окраине Наро-Фоминска. Жена Галина уже вполне привыкла к постоянному отсутствию мужа дома, к его бесконечным командировкам в Чечню и практически перестала донимать его вопросами о переводе на более спокойное место службы. Глеб же беззаветно любил свою

работу и четко осознавал, что если и со стороны семьи будет уж если не поддержка, то хотя бы невмешательство в его специфическую служебную деятельность, то все в жизни будет складываться самым наилучшим образом. О чем-то большем он и не мечтал.

Тем сентябрьским утром несколько разведгрупп были брошены в Шалинский район Чечни с одной единственной целью: захватить в плен связного Абу Хаттаба уроженца Иордании Саида Халеда. Полученные разведданные насчет перемещения боевика полностью подтвердились, и из устроенной на горной дороге засады спецназовцы атаковали автоколонну, везущую продовольствие и боеприпасы для боевиков. Саид в завязавшемся бою получил разрывную пулю, разворотившую тазовые кости и оторвавшую левую часть задницы, и теперь надоедливо стонал на обочине дороги.

– Командир, как бы ни откинулся «интурист» по дороге на базу! – устало пробурчал в рыжие усы снайпер разведгруппы старший прапорщик Вася Ярымбаш, радиопозывной Хохол, обращаясь к подходящему к ним Глебу. Вася был угрюмым, не особо разговорчивым увальнем, но отличавшимся просто адским терпением и выдержкой. Это от его выстрела из «винтореза» разлетелась, как гнилая тыква, башка у водителя головного «Урала», который благополучно впился на полном ходу в оторвавшийся от взрыва фугаса кусок скалы и загорелся, тем самым преградив на узкой дороге путь оставшимся трем машинам боевиков.

– Да, в общем-то, не должен он сдохнуть, а вот ходить будет теперь только под себя! – озабоченно сказал Глеб, пытаясь рассмотреть, куда конкретно иорданец словил пулю, приведшую к таким удручающим перспективам для дальнейшей жизненной активности южного гостя.

И как раз в тот момент, когда подросли бойцы разведгрупп к месту последнего боя для дюжины воинов Аллаха, радиостанция Глеба разразилась шипением и треском внезапного вызова на связь.

– Змей, это Бугор, как слышишь меня? – на связь неожиданно для всех бойцов на закрытой частоте вышел командир отряда подполковник Волостных, который сегодня должен был вылететь из Ханкалы в Москву по какому-то срочному приказу Центра.

– Слышу тебя, Бугор, говори.

– Змей, срочно передавай на броню эту полудохлую макаку и дуй со своими орлами на место посадки. Группы Феникса и Хамсы идут с тобой. В 6:20 вас заберет вертушка, там получите инструкции. Принимай командование сводным отрядом.

– Понял тебя, Бугор! – Глеб выключил радиостанцию и выругался, осознав, что при подобных раскладах возвращение в расположение не грозит еще несколько дней.

В свете первых лучей восходящего солнца над надоевшими взору Глеба осенними горными пейзажами, борта вертушек послушно тащили три разведгруппы в сторону южной границы Чеченской Республики.

После получения инструкций и постановки боевой задачи Глеб Куренной и командиры двух других разведгрупп наконец поняли, почему их безо всякой подготовки бросили в самый дальний и недоступный уголок горной части Чечни. За час до того, как в Шалинском районе диверсанты уничтожили автоколонну и проявляли интерес к вновь появившимся отверстиям в теле «иностранный туриста», в высокогорном Шаройском районе неожиданно исчез с радаров штурмовик СУ-25. А ввиду того, что якобы в этой дыре не оказалось мобильных частей для поиска, было принято решение бросить диверсантов из соседнего района на поиск самолета. Глеб, обладавший отменной интуицией, поделился сомнениями в правдивости предоставленной информации с командирами разведгрупп старшим лейтенантом Хамсутдиновым и капитаном Орловым.

– Что-то мне сдается, что ты прав Глеб, брешет командование насчет обычного поиска «сушки», что ей там было делать в такое время? Бомбить аулы в предрассветном тумане? Смысл?! – не успокаивался вечно суетливый Орлов, постоянно теребя рукой ремень АКМа.

– Да все может быть! Эти затейники – большие любители закинуть несколько ракет типа «воздух-поверхность» хоть по отаре овец ради прикола, – попытался сгладить недоумение товарищей шустрый татарин.

– Перепились, небось, и послали отработать «сушку» по какому-нибудь аулу, а она в гору неожиданно впилилась, а теперь ищи-свищи ее по всем перевалам.

– Ну что ж, координаты последнего выхода на связь у нас есть, это не так далеко по прямой от места нашей высадки, а как по перевалам туда топать, надо думать, – сказал Глеб, усиленно изучая подробную карту местности для определения маршрутов поиска разведгруппам.

Вертолеты выгрузили бойцов в разных местах в районе самого труднодоступного высокогорного аула Хуландой в Шаройском районе Чечни, что как раз на границе Грузии и Дагестана.

Спецназовцы по озаряемому осенним солнцем горному ущелью, скрывая свой путь среди редкой растительности, контрастирующей с одинокими столбами боевых башен, исписанных древними солярными символами – всевозможными свастиками и прочими изображениями солнца. Некоторые из этих башен немногочисленное местное население соседних аулов, в основном состоящее из аварцев, разбирало на камни. На близлежащей территории в горах встречалось множество водопадов и пещер. Негустая горная растительность сменялась видами на снежные вершины Тушетского хребта, среди которых было несколько живописных вечно покрытых снегами «четырехтысячников». Группа Хамсутдинова заходила с юго-западной стороны, осматривая заброшенный полуразрушенный аул, а орловские бойцы пошли в сторону горной дороги на Шарой. Через шесть часов заснувшую радиостанцию Глеба оживил скрипучий голос Хамсутдинова:

– Змей, прием, это Хамса! Слышишь меня?

– Прием, Хамса, слышу тебя.

– По руслу реки от меня в твоём направлении топает вооруженная группа. Человек двадцать, не больше. Они должны, по идее, выйти на вас через час с небольшим. Как понял?

– Понял тебя. Встретим.

Заняв на ближайшей высоте и окрестных холмах боевые позиции, откуда прекрасно простреливалась единственная дорога по дну ущелья, группа Глеба принялась ждать «гостей».

Через полтора часа появились «гости» в виде растянутой цепи боевиков, направлявшихся в сторону грузинской границы, причем вся недружная компания совершенно не заботилась о какой-либо маскировке и элементарной осторожности. Первое впечатление, возникшее при виде боевиков, было такое: их кто-то очень сильно напугал. Было видно в оптику, что они плелись из последних сил, но тем не менее на лицах был запечатлен ужас.

– Командир, ты видишь? – пробубнил в эфире Хохол, глядя сквозь прицел СВДэхи на возглавлявшего цепь бородатого боевика. – Что с ними, командир? Они какие-то ненормальные.

– Пропусти ближе, сейчас вылечим. Работать только «винторезами», – отдал приказ капитан, подразумевая, что огонь разрешен только бойцам, вооруженным бесшумными снайперскими винтовками ВСС «Винторез» и специальными автоматами «Вал».

– Шнобель, Мерин, отстающих взять живыми. Огонь!

Первым упал как подкошенный бородач, идущий в конце вереницы, получив пулю в руку и очередь по ногам из бесшумного автомата «Вал». Боевик мгновенно выронил свой автомат, который он тащил за ремень, как понурую псину на поводке, и мягко скатился в овраг. Практически одновременно его судьбу повторил молодой чеченец, которого от полученных пуль швырнуло с дороги на обочину, где его быстро оприходовали лежащие там бойцы. Идущие первыми боевики вообще не поняли, что случилось. Сначала они стали оборачиваться, а потом просто бросились бежать по дороге вперед, где их практически в упор расстреляли из бесшумного оружия.

Старший сержант-контрактник Сапрыкин с радиопозывным «Шнобель» и аналогичным погонялом, полученным за красный картофелеобразный нос, вместе с крепышом, по кличке Мерин, тащили пока еще живых боевиков к командиру. Начался отработанный до автоматизма «экспресс-допрос», как его часто называл Глеб. Молодой боевик сначала тихо стонал, а потом и вовсе потерял сознание от болевого шока, а вот второй, получив укол промедола, смотрел на бойцов испуганными глазами и, показывая пальцем в сторону заснеженной вершины, постоянно повторял только одно: «Там, там. Это не люди!». Никакие меры, предпринятые бойцами, уже не смогли вернуть его в нормальное состояние. Глеб встал с корточек, закурил сигарету и жестом показал Хохлу кончать бородачей. Хохол, не торопясь, кряхтя от возложенной на него рутинной задачи, подошел вразвалочку к обезумевшим от непонятного ужаса воинам Аллаха и мощными движениями скрутил им головы по часовой стрелке так, что косматые затылки отважных горцев вдруг гармонично поменялись местами с бородачатыми харями.

– Что буробил этот второй, как думаешь, командир? – тоже закулив сигарету, спросил у Глеба Хохол.

Глеб, всматриваясь в сторону заснеженной вершины, куда не так давно тыкал пальцем чеченец, ответил:

– А что тут можно думать? Я тоже в бинокль видел, что с ними со всеми что-то странное было. Что могло так напугать «чехов» в родных горах – ума не приложу!

Устроившись на ночлег на хорошо защищенном от ветра и посторонних глаз горном склоне, Глеб связался по рации с командирами других разведгрупп, поведав вкратце о непонятном поведении перепуганных боевиков.

– Змей, да под наркотой они были, я тебе отвечаю! Мы таких под Старыми Атагами в плен брали. Законченные мракобесы, обдолбятся чем-то, а потом им везде шайтаны мерещатся! – твердил всезнающий Орлов, который был на три года младше Глеба, но первое впечатление от встречи с ним практически стопроцентно убеждало его собеседников, что перед ними был, ну как минимум, командир батальона.

– Да какая наркота, пацаны! – вмешался в эфир Хамса. – У «чехов» в основном амфетамин находили, когда они, насквозь простреленные, умудрялись скакать, как горные сайгаки, а потом подыхали от потери крови. Перепуганных я вообще не встречал. Не знаю, Змей, что за экспонаты там тебе попались.

– Лады, завтра выходим все на намеченный квадрат, как раз у той горы, куда этот папуас показывал, там и посмотрим. Конец связи!

Глава 2. Вопросов больше, чем ответов

26 сентября 2001 года, Москва, Хорошевское шоссе, район Ходынского поля, «Аквариум» – здание Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ.

Командир отдельного отряда спецназначения ГРУ ГШ подполковник Михаил Волостных шел по коридору «Аквариума» к кабинету начальника 8-го «диверсионного» управления полковника Скороспелого Ильи Григорьевича. Подполковнику Волостных шел сороковой год. За плечами была война в Нагорном Карабахе и две чеченские кампании. На груди красовались орденские планки от двух орденов Мужества и медали «За отвагу». Подполковник снискал подлинное уважение бойцов за абсолютную преданность боевому братству и готовность идти на любые жертвы ради спасения своих солдат. При штурме Грозного в 1995-м тогдашний майор Волостных, услышав по рации, что одна разведывательная группа из их батальона на подходах к городу попала в засаду и была прижата к земле минометным огнем, чуть ли ни под прицелом автомата заставил механика-водителя какого-то танка, стоявшего рядом с их расположением, прорваться сквозь кольцо окружения к попавшим в беду спецназовцам. И лично ведя огонь из пушки, спас жизни дюжине товарищей, организовав прорыв окружения. За этот подвиг Волостных повесили первый орден, а от благодарных спецназовцев навсегда привязалось ласковое прозвище «Батя».

Срочный вызов в Центр после неожиданного приказа для его отряда по поисковой операции потерянного штурмовика в горах южной части Чечни вызывал полное недоумение бывшего офицера. Подполковник не понимал, зачем матерым диверсантам искать самолет где-то далеко в горах, да еще и в обстановке абсолютной секретности.

– Разрешите, Илья Григорьевич? – просунув голову в дверь, громко гаркнул подполковник.

– А, Волостной, ты!? Здорово, заходи, давай. К 8:30 нам на совещание к «самому».

Офицеры пожали друг другу руки и присели за стол.

– Илья Григорьевич, вы хоть в курс дела введите, что да как. Чего меня сюда дернули?

– Да, в общем, Миш, что на тот момент тебе положено было знать, уже сообщили. Но, конечно, не все по связи можно было рассказать, сам понимаешь. Сейчас на совещании генерал введет в курс дела, пошли.

Совещание в кабинете начальника ГРУ генерал-лейтенанта Трофимова началось с доклада сотрудника отдела оперативной разведки, который сообщил совершенно неожиданные для подполковника Волостных факты. Оказывается, ранним утром 25 сентября от пограничников Итум-Калинской погранзаставы поступил сигнал о движении двух групп боевиков общей численностью до ста человек с территории Грузии через перевал южнее селения Хуландой. Пограничники вступили в неравный бой и потеряли несколько солдат убитыми. Двое пограничников попало в плен, остальные чудом уцелели. А за месяц до этого в эфире первый раз засекли выходившего на связь с Басаевым по спутниковой связи полевого командира Расула Исмаилова, бесследно исчезнувшего после штурма села Комсомольское в марте 2000-го. Он являлся одним из главных связных между далеким миром арабского ваххабизма и приверженцами подобных светлых идей на территории Северного Кавказа, пусть пока еще духовно незрелыми в религиозно-идеологическом плане, но зато с лихвой компенсирующими пробелы в знаниях тонкостей салафитской доктрины безудержной яростью в нелегком деле священного джихада. И чем полноводнее становился мотивационный нефтедолларовый поток с далеких арабских земель, тем сильнее и непримиримее становилась священная борьба горских джихадистов против многолетнего ига неверных. Из радиоперехвата было件нятно, что Исмаилов находится на территории Грузии и готовится перейти с большой группой боевиков через

границу как раз в районе селения Хуландой. Рано утром 25 сентября по спутниковой связи уже с территории Чечни выходит долгожданный Исмаилов. Определив его местонахождение, в воздух были срочно подняты два штурмовика СУ-25 с явной претензией на повтор триумфа шестилетней давности, когда ударом с воздуха был успешно осуществлен ускоренный перенос в объятия райских гурий праведной души вождя и учителя молодой ичкерийской республики, бывшего генерала советской авиации Джохара Дудаева. Но в этот раз, к всеобщему сожалению, действия штурмовой авиации были не столь блистательны. Выйдя на цель и выпустив несколько неуправляемых авиационных ракет класса «воздух-поверхность» (НАРов) по указанному квадрату, один из штурмовиков предпринял попытку повторного захода на цель. На десерт для долгожданных гостей с южных гор оставалось изысканное угощение – объемно детонирующие бомбы, специально предназначенные для атаки противника в горной местности. При попадании такой бомбы в цель взрывчатое вещество в виде аэрозольного облака накрывало все вокруг, а затем происходил подрыв. От чудотворного воздействия такого оружия не спасали ни пещеры, ни естественные укрытия в горах, так как всюду, куда проникало газовое облако, все разбиралось на молекулы в доли секунды.

Последними словами заходящего на цель для бомбометания пилота «сушки», принятыми на земле, были: «Первый, первый, прием! Я потерял цель, отказ системы наведения. Сильная вибрация машины. Очень яркий свет. Ничего не вижу». При попытке выхода на связь второго пилота, уходящего в юго-восточном направлении от цели, последовали сильные помехи в эфире, такие, что слов было не разобрать. Через несколько мгновений оба штурмовика исчезли с экранов радара. А то, что началось потом, никакой логике уже не поддавалось: через двадцать минут пилот второго штурмовика вдруг вышел на связь с центром управления на очень редкой, практически не используемой частоте, а затем появился в небе в семистах километрах севернее в Ростовской области, где только с третьей попытки чудом смог посадить самолет на Зерноградский военный аэродром. На вопросы трясущемуся от страха летчику, как тот сюда попал, он просто смотрел круглыми глазами и всем видом показывал полное непонимание ситуации. Сейчас пилот госпитализирован, но получить какие-либо сведения от него пока не удалось. Анализ бортового самописца еще произвести не успели. Первого же самолета так и не нашли, спихнув данную задачу на плечи диверсионного спецназа.

Доклад прервал генерал Трофимов и обратился к присутствующим офицерам:

– Товарищи, надеюсь, что все прекрасно понимают сложность данной ситуации. Вероятность атаки самолета с земли весьма велика, боевики могли запросто сработать по самолету «Стрелой», переносным зенитно-ракетным комплексом. Ситуация на границе остается очень сложной. Вчера утром пограничники Итум-Калинской погранзаставы вступили в бой с небольшой группой боевиков на самой границе с Грузией. Боевики по непонятным причинам пренебрегли всеми правилами маскировки и просто толпой бежали в направлении ущелья на грузинскую территорию, туда, откуда пришли менее суток назад. Одиннадцать человек удалось уничтожить, остальные рассредоточились и прорвались в лесной массив. Еще несколько разрозненных групп,двигающихся в южном направлении, были замечены в бинокль теми же пограничниками. Ввиду того, что по имеющимся данным численность боевиков в квадрате незначительная, было принято решение не поднимать дополнительные подразделения, а произвести поисковую операцию силами нескольких развед-диверсионных групп спецназа. Пока не поступит какая-либо информация от них, приказываю не предпринимать никаких действий. На спутниковых снимках каких-либо интересующих нас моментов не зафиксировано. Радиоэфир боевиков также молчит по этому поводу, так что будем ждать информацию от наших бойцов.

Выйдя с совещания, офицеры молча смотрели друг на друга с нескрываемым удивлением. А через несколько минут по всем каналам спецсвязи подразделений Вооруженных сил,

ФСБ и МВД прошел сигнал о потере российскими военными штурмовика СУ-25 в районе границы с Грузией. Это означало, что в район предполагаемого падения самолета в скором времени будут выдвинуты значительные силы для масштабной поисковой операции.

Подполковник Волостных сидел в кабинете начальника 8-го, так называемого «диверсионного», управления полковника Скороспелого Ильи Григорьевича, изучая подготовленное аналитиками досье по данному делу.

Полковник Скороспелый наклонился над столом и чуть ли не шепотом сказал сидящему напротив него офицеру:

– Миш, тут такая задница, если честно. Я тебя сюда не для массажа ушей выдернул из Чечни. Здесь дело куда более сложное, чем сейчас для всех обрисовал генерал. Это по его личному приказу на поиски самолета бросили именно твой отряд, о котором мало кто знает даже из своих. Подобные чудеса происходили не раз в разных местах бывшего СССР и за его пределами. И как только наше ведомство пыталось выяснить всю подноготную, то сразу появлялись осведомленные о проблеме специалисты в штатском и изымали весь накопленный материал, давая понять, что, мол, у военной разведки своих вопросов навалом, и нечего совать нос в подобные темы. Вчера после получения информации о падении самолета всех сразу начали поднимать на уши. Генерал сразу потребовал всю информацию по интересующему нас квадрату. Но как только навели справки, генерала Трофимова дернули в генштаб на ковер к первому заместителю начальника генерал-полковнику Краснову. Это мне сам наш генерал вчера рассказал с глазу на глаз. Так вот, в кабинете Краснова присутствовали он сам и два неизвестных Трофимову человека. Кто они и откуда – не представлялись. Разговор, со слов Трофимова, был очень недолгий: сначала потребовали полный доклад по делу, а потом приказали закончить поисковую операцию к 19:00 сегодняшнего дня и вывести поисковые подразделения из указанного квадрата. Только вот наш генерал прекрасно знал заранее, чем обычно заканчиваются подобные уравнивания с несколькими неизвестными. Поэтому он доложил наверх, что самолет ищет обычная разведрота ВДВ, а не твои диверсанты. А мне поручил совместно с тобой разработать план продолжения разведывательной операции по поиску самолета в условиях строжайшей секретности. Поэтому ты здесь. Пойми, Миш, это, как говорится, дело чести нашего доблестного ведомства. А мы никогда за долгую историю конкурентной борьбы с гэбэшниками покорно лапки не складывали и не принимали униженную позу. И зубы показывали всегда и всем, причем вне всякой зависимости от политической обстановки и благосклонности к нам верховной власти, которая в разные времена по-разному расставляла приоритеты в сфере работы различных силовых ведомств.

Полковник сделал многозначительную паузу, посмотрел исподлобья на командира спецназа и продолжил:

– Как мне думается, то ли мы залезли в кухню эфэсбэшников, то ли имеем далеко не всю информацию по аналогичным случаям, явно папахивающим какой-то чертовщиной. Вот смотри: место выхода на связь полевого командира Расула Исмаилова было у подножия так называемой Белой горы, как ее называют местные. Очень странное место, скажу я тебе. Дурная слава еще со времен Великой Отечественной тянется. Наши аналитики вчера немного нарыли по этому месту: там и связь частенько пропадала у погранцов, и у летчиков помехи сильные в работе приборов были, да и местных легенд полно про эту гору. Аборигены стараются вообще там не показываться. По высоте гора небольшая – менее двух тысяч – с восточной стороны много глубоких пещер, водопадов. В общем, местность труднопроходимая. Удар самолеты наносили по заданным координатам в условиях плохой видимости в предрассветные часы, как раз по восточному склону. И только наш спутник начал делать снимки местности, генерала сразу дернули наверх. Скоро твои ребята должны быть в указанном квадрате. Миш, давай дождемся связи. Если ничего интересного не обнаружат, то сразу отзываем группы назад и начинаем разработку нового плана.

9 час. 02 мин. 26 сентября 2001 года, южная граница Чеченской Республики.

Разведывательно-диверсионная группа под командованием капитана Глеба Куренного форсировала небольшую горную речку, один из притоков реки Шаро-Аргун, и подошла вплотную к намеченному квадрату, где чуть более суток назад штурмовики атаковали отряд боевиков.

Рассредоточив группу, Глеб начал просматривать в бинокль местность. Метрах в четырех от него ущелье возле горы и склон местами выгорели, были видны воронки от взрывов и трупы боевиков.

– Хохол, Мясной, что там у вас видно? – спросил Глеб по радиации у снайперов, шедших чуть выше по склону.

– Змей, это Мясной! Вижу около двух десятков трупов на местности, впереди, судя по всему, в скале есть проход, мне отсюда не видно, – ответил старший сержант Колосков, по прозвищу Саша Мясорубка, снайпер разведгруппы.

В прошлом до службы Саша Колосков, худенький и улыбчивый мальчуган с детским выражением глаз, конопушками на лице и какой-то наивной улыбкой, был кандидатом в мастера спорта по биатлону. Сразу после окончания школы Сашку забрали в армию. Понятно, что отмазать его было некому и не на что, и поэтому недокормленную надежду и гордость отечественного биатлона с радостью встретили в райвоенкомате, быстренько определив на службу в отдельный разведывательный батальон псковской дивизии ВДВ, где Сашка со страхом и трепетом встретил новый 1995-й год. Вовремя нажимая на спусковой крючок старенькой СВД – снайперской винтовки Драгунова, – Сашка быстро стал одним из самых востребованных снайперов войсковой разведки.

А необычную кликуху он получил за один весьма «забавный» случай, произошедший на блокпосту рядом с одним из сел Ачхой-Мартановского района солнечной Чечни. БТР, на котором ехали ВДВэшные разведчики, остановился на блокпосту на несколько часов. Бойцы отдыхали, ожидая выхода на связь разведгруппы, находившейся в «зеленке». Только собрались ехать, как толстомордый милицейский майор, дежуривший на посту, ни с того ни с сего сказал водителю БТРа ехать по дороге в объезд села. Якобы в селе вчера армейский «Урал» налетел на фугас и до сих пор дорога не проверена на наличие мин. БТР с разведкой послушно выдвинулся по указанной майором дороге и через три километра словил в слабо бронированный борт выстрел из ручного противотанкового гранатомета РПГ-7 – чудного изделия советской оборонной промышленности, кумулятивная граната которого, попадая в бронированную преграду, прожигает ее струей раскаленного газа. Газ, прорываясь внутрь корпуса бронемашины, создает там избыточное давление, превращающее находящуюся внутри живую силу в плохоопознаваемые фрагменты тел. Спасаясь от неблагоприятного для молодых организмов действия подобных снарядов, военные и придумали кататься на броне сверху с открытыми люками.

От взрыва разведчики разлетелись с брони, как конфетти из хлопушки. Благо, что стрелял один человек и не было организованной засады, потому что достойного сопротивления нападавшим оказать вряд ли кто бы смог. Каким-то чудом все бойцы остались живы, но ранения и контузии получили практически все. А Сашкиному лучшему другу пулеметчику Денису Воронину взрывом оторвало кисть правой руки. Сразу к месту подрыва примчалась БМП с блокпоста, забрав на броню раненых разведчиков и оставив на дороге догорать старенький БТР. И в то время, когда разведчикам оказывали медицинскую помощь, сержант Сашка Колосков с перебинтованной головой уже тормозил какого-то перепуганного старлея по поводу местонахождения толстомордого майора. Старлей сказал, что как только разведчики отъехали с блокпоста, майор с кем-то недолго говорил по радиации, а потом поехал в соседнюю деревню,

якобы прикупить мяса на шашлычок. Сашка собрал несколько несильно потрепанных взрывом бойцов и на милицейском уазике поехал в ту же деревню.

Дом, в котором находился «заботливый» майор нашли быстро по припаркованной милицейской «Ниве». Бойцы, недолго думая, ворвались через окна и двери в жилище, положили всех находящихся там мордой в пол, скрутили руки и запросили по рации армейский «Урал» с бронированным фургоном для транспортировки захваченных лиц, подозреваемых в организации теракта. И пока бойцы, разойдясь по разным комнатам дома, ждали приезда импровизированного «автозака», Сашка остался на кухне охранять связанных злодеев.

Гнетущее ожидание вдруг оживил чей-то истошный вопль с кухни. Взору бойцов, ворвавшихся туда с автоматами наперевес, предстала «презавнейшая» картина. Оказывается, Сашка Колосков, оставшись наедине с плененным офицером родной милиции, высадил ударом автоматного приклада все передние зубы майора и запихнул в освободившееся кровавое отверстие чуть ли не половину рукоятки стоявшего рядом плетеного веника. Потом точным ударом приклада сверху перебил правую ключицу многострадальному служителю закона, засунул висящую, как плеть, руку майора пальцами в привинченную к кухонному столу старенькую ручную мясорубку и давай старательно наяривать рукоятку по часовой стрелке. Ну что тут сказать? Даже ручка веника не смогла заглушить издаваемых голосовыми связками майора децибел. Товарищи Сашки, увидев стоящего на коленях свиноподобного предателя Родины, пальцы которого в виде тщательно перемолотого фарша падали на грязно-белую клеенчатую скатерку, оторопели секунд на десять, потеряв дар речи, а потом оттащили юного мстителя от его страшного орудия возмездия.

При подобных раскладах Сашке грозил бы трибунал за его выдумки с кухонным изделием. Но было одно «но» – Сашка служил в разведке, а эти ребята своих не сдают. Неминуемую перспективу уголовного дела за причинение тяжких телесных «доблестному» майору боевые товарищи замяли следующим образом: связали синей изолентой пять осколочных оборонительных гранат Ф-1, радиус разлета осколков которых составлял 200 метров, выдернули чеку и бросили через стекло в кухню с лежащими на полу врагами поближе к газовому баллону. Бросивший связку спецназовец сам чудом успел отбежать за соседний кирпичный сарай. Рвануло так, что от дома остался только фундамент, где обрели последнее пристанище три матерых террориста и толстопузый «оборотень в погонах». В результате все списали на самоподрыв группы боевиков-шахидов в жилом доме, которые, испугавшись штурма дома «доблестным» майором милиции, привели в действие взрывное устройство. В честь геройски погибшего милиционера даже улицу назвали в его родном селе в Брянской области. Ну, а к Сашке после этого случая навечно пристало погоняло Мясорубка.

Получив приказ капитана осмотреть местность, снайперы-разведчики сменили местоположение, и их взору предстал хорошо различимый проход между скалами, совершенно невидимый для находящихся внизу в ущелье спецназовцев. Небольшая поляна перед этим проходом была полностью усеяна трупами боевиков и изрыта взрывами авиационных ракет.

– Змей, это Хохол, здесь все «двухсотые», поднимайтесь сюда, – пробубнил в рацию уса-тый снайпер, давая понять, что кроме изорванных взрывами ракет трупов, ничего интересного найти не удастся.

Принявшись тщательно осматривать местность, Глеб с подчиненными услышали слабый стон за огромным плоским камнем, лежавшим перед самым проходом в скале. Подойдя ближе, они увидели связанного российского пограничника, более похожего на только что выбравшегося из забоя шахтера. Грязная камуфляжная форма, на которой с трудом просматривались знаки различия, была изорвана в клочья, голова залита почерневшей запеченной кровью, и все это сверху было щедро присыпано землей и гарью.

Вытащив кляп изо рта и развязав руки пленнику, разведчики принялись приводить его в чувства.

Минут через двадцать избитый и изможденный пограничник начал приходить в себя и стал рассказывать разведчикам свою историю о том, как он попал в плен, когда его погранотряд вступил в неравный бой с превосходящими силами боевиков, спустившихся с одного из перевалов Тушетского хребта.

– Так, ну это мне понятно, а что произошло здесь? – спросил капитан.

– Нас с Серегой привели сюда и бросили связанными вон там, – пограничник стеклянными глазами посмотрел на место воронки от взрыва, вокруг которой лежали куски человеческого тела в пропитанном кровью зеленом камуфляже. – Серега раненый был, сознание терял часто. Чечены принялись на ночьлег готовиться. А тут вдруг авиация ни с того ни с сего накрыла. Начали ракетами долбить, «чехи» к проходу тому бросились. Человек тридцать, наверное, успели туда забежать, а я за камень спрятался. Потом вдруг в один момент воздух стал густой вроде, словно газ в воздухе был, и все вокруг «плыло», как при сильной жаре. Я не знаю, что точно произошло, но все вокруг трянуло. Сразу боль во всем теле, слабость, ломота и какой-то непонятный дикий ужас. Мне никогда так страшно не было еще. Голова была готова разорваться на части, тошнота жуткая, позаблевал все вокруг. А через несколько секунд, чечены обратно в ужасе из расщелины на карачках выползть стали. Глаза безумные, метаться начали туда-сюда, некоторые просто падали без сил. А тут как раз второй самолет ударил ракетами прям по толпе.

– Да уж, попали вы под раздачу! – понимающе сказал Глеб. – А самолеты? Что с самолетами стало, которые по вам долбили?

– Они в том направлении ушли, – пограничник показал в сторону величественно возвышающейся над горным пейзажем, вечно покрытой снегами вершины горы Диклосмты, являющейся природной границей Чечни, Дагестана и Грузии. – Но потом опять гул послышался. Видать, один самолет снова хотел нам «гостинцев» передать. А потом вспышка была во все небо и хлопок сильный, я минут пять вообще видеть не мог. Когда очухался, все уже было как сейчас. Чечены разбежались, а я остался лежать со связанными руками и ждать милости судьбы. Вот дождался.

Пограничник затрясся и заплакал, а потом сквозь слезы добавил:

– Зря, зря главный чеченец над дедом смеялся, прав оказался старик.

– Каким еще дедом? – вдруг оживился Глеб.

– Да когда мы пришли сюда, у боевиков проводник был, паренек из здешних мест. И вот главный «чех» начал спрашивать его, где здесь есть пещеры, чтобы можно было тайник для оружия организовать, а паренек ответил, что здесь лучше в пещеры не заглядывать, мол, его дедушка запрещает ему даже подходить к пещерам в этой горе. Чечены долго смеялись над ним и его пугливым дедом. Учили его, что никого, кроме Аллаха, на этом свете бояться не нужно. Ну и досмеялись, что даже Аллах им не помог.

Через десять минут капитан спецназа Глеб Куренной связался с командирами других разведгрупп, которые прочесывали местность в направлении предположительного падения штурмовика. Никаких следов падения самолета никто не обнаружил.

В расщелину между скалами первыми пошла на разведку боевая тройка спецназовцев, возглавляемая старшим прапорщиком Поповым, а через пару минут на поляне все вдруг испытывали необъяснимое чувство страха. С бойцами стали происходить вещи точь-в-точь как в недавнем рассказе бедолаги-пограничника: паническое состояние, тошнота, боль во всем теле, пусть не с такими сильными симптомами, но тем не менее весьма ощутимыми. Только невероятным усилием воли спецназовцы заставили себя не покидать занятые позиции.

Через несколько секунд из прохода между скалами слышались торопливые шаги. Первым выбежал сам Попов, за ним двое его бойцов. Все попадали на землю, нервно глотая воздух, как будто только что вынырнули из воды. Находящиеся на поляне спецназовцы сразу же приготовились к бою, оттащив подальше вышедших из строя разведчиков. Глеб приказал всем отступать вниз по склону. Через какое-то время испытываемое бойцами непонятное чувство тревоги начало ослабевать, что позволило более критично оценить случившуюся ситуацию.

Когда бледный, как тень, старший прапорщик Попов отдышался, он выпалил:

– Командир, там что-то есть... Что-то не пускает пройти.

Выбежавшие из расщелины разведчики, бледные и напуганные, ничего толком не смогли рассказать остальным. Только и сообщили, что, пройдя по проходу между скалами до входа в большую пещеру, почувствовали себя плохо, стало нечем дышать, и они из последних сил выбрались наружу. Находящимся на поляне бойцам, хоть и досталось поменьше, но все прекрасно понимали, о чем идет речь.

Глеб долго думал, как и о чем докладывать наверх. Потом принял решение рассказать все как есть.

– Змей, слушай меня внимательно! – услышал Глеб металлический голос подполковника Волостных в динамике аппарата спутниковой спецсвязи. – Прекращай поисковую операцию, выводите группы в пункты эвакуации. Через полчаса будут вертушки. Конец связи.

Глава 3. Старая гвардия

11 часов 20 мин 26 сентября 2001 года, Москва, здание Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ.

В кабинете начальника 8-го управления ГРУ полковника Скороспелого сидел удрученный после последнего выхода на связь с разведгруппами командир специального диверсионного отряда ГРУ подполковник Михаил Волостных.

– Да уж, дела, – сквозь зубы процедил хозяин кабинета, уставясь в экран монитора. – Что ж это за шутки-то такие? И самое главное, что сейчас эфэсбэшники влезут в дело, и эта тема навсегда нырнет в бездонные архивы Лубянки. Миш, я тебя сюда вызвал для совместной разработки плана разведки этого квадрата, а поиск самолета, как ты понимаешь, – дело второстепенное. А тут эфэсбэшники все хотят прибрать к своим рукам. Но мы им этого никогда не позволяли и не позволим. Работать будем сами. Но сначала надо понять, как там вообще действовать нужно. С кем или чем мы имеем дело.

– Илья Григорьевич, а кто сейчас в управлении способен хоть какую-то информацию предоставить по этому проклятому квадрату? – вдруг оживился командир спецназа.

– Ну что у нас было по данной теме важного для военной разведки, ты видел все. Хотя есть один интересный факт: почему-то вся информация по этому району до 1944 года была изъята по личному распоряжению Наркома обороны товарища Сталина еще в далеком 1946 году. Где теперь она хранится неизвестно. А все остальное находится уже явно не в категории фактов, которые можно занести в досье: слухи, неподтвержденные свидетельства, легенды аборигенов и прочая «брехология». Хотя есть один человек, который может кое-что поведать. Миш, да я ж тебя с ним знакомил – это Белостоков.

Подполковник Волостных уже достаточно давно был знаком с Андреем Семёновичем Белостоковым, легендой военной разведки, чья служба выпала на период «холодной войны». И надо сказать, на земле имелось очень ограниченное количество мест, где не побывал этот поистине уникальный человек. Полковник Белостоков участвовал то в качестве атташе, то военного советника везде, где Советский Союз пытался протянуть дружественную руку помощи любому мало-мальски официально оформленному государству, грезящему о причастности к великому социалистическому лагерю. Очень часто могучая рука интернациональной помощи, зажавшая в мозолистом кулаке неслабую военную и финансовую поддержку, тянулась с явной целью свержения существующей в стране государственной власти. Но вот незадача: местная оппозиция, на которую делалась основная ставка, и априори считающаяся просоциалистической и жаждущей установления диктатуры пролетариата, часто не умела не то, чтобы обращаться с оружием сложнее копья и боевой палицы, но и вообще явно не понимала сути государственного управления, потому как родоплеменной строй уважаемого племени часто совсем чуть-чуть не успевал дойти в своем ускоренном развитии до создания примитивных институтов государственной власти, как бывал нещадно истреблен другим, не менее древним и уважаемым племенем, имеющим свои претензии на занимаемую территорию. Именно для таких случаев у советской власти и были припасены всевозможные военные советники, вроде легендарного Семёныча, вся деятельность которых заключалась в профессиональной организации государственных переворотов и всевозможных диверсий, зачастую силами не только вооруженных оппозиционных формирований, но и специальных подразделений советской военной разведки.

После выхода в отставку он занялся написанием серьезных научных трудов по истории разведки и спецслужб, благо после развала СССР с большинства архивов были сняты грифы секретности и они стали доступны для широкой общественности. А с авторитетом Семёныча

вопросов доступа к архивам не возникало вообще. Разведчики-спецназовцы старшего поколения очень любили и уважали ветерана, частенько заглядывая к нему на подмосковную дачу с бутылочкой чего-нибудь крепенького.

На момент описываемых событий Семёнычу шел семидесятый год, но назвать его стариком ни у кого язык не повернулся бы. Бодрый, подтянутый, он каждое утро в любую погоду купался в местном озере рядом с его дачным домиком.

В то дождливое осеннее утро Семёныч вернулся с озера после купаний и утреннего моциона домой на полчаса раньше обычного. Всю ночь ему не давали заснуть воспоминания о бурной военной молодости, всплывали в памяти лица боевых товарищей и никак не отпускало какое-то странное волнение.

Жена пригласила к столу, совершая привычный за долгие десятилетия вместе ритуал угощения утренним кофе. Заметив, что с мужем что-то не так, она спросила:

– Андрюш, что с тобой? Ты какой-то напряженный. Что случилось?

– Не знаю, Надь, что-то предчувствие нехорошее. Сам не пойму.

– Да успокойся ты. Какое еще предчувствие, ты отвоевался уже, на пенсии. Живи спокойно, жизни радуйся.

– Да все так-то оно так. Ладно, давай пить кофе.

Жена Семёныча Надежда Ивановна сделала вид, что быстро забыла о странном предчувствии мужа, но на самом деле в ее голове сразу затаился незримый островок тревоги. Уж кто-кто, а она прекрасно знала, что предчувствия супруга, которые он сам в шутку именовал «чуйкой», никогда еще его не обманывали.

Эта самая «чуйка» во время боевых действий 1969-м году в Гондурасе ни с того ни с сего заставила молодого советского военного советника выйти из автомобиля за несколько секунд до того, как машину на куски разорвало взрывом от сальвадорского снаряда. А в 1980 году в восточной горной афганской провинции Бадахшан подполковник ГРУ Белостоков вдруг безо всяких видимых оснований в нарушение приказа высшего командования перекрыл танком путь на горную дорогу колонне БМП из 860-го отдельного мотострелкового полка и приказал выслать головной дозор с саперами для повторной проверки участка дороги. Головной дозор наткнулся на засаду и был уничтожен пулеметным огнем. Подошедшие силы отбросили «духов», а саперы обнаружили несколько мощных фугасов на обочине дороги, провода от которых были прикреплены к нескольким ржавым пружинным пластинам от автомобильной рессоры, беспорядочно разбросанным в дорожной пыли. Замысел бородатых борцов против несметных полчищ «шурави» состоял в том, чтобы проходящая по дороге техника наехала металлическими гусеницами на брошенные пластины рессор, тем самым замкнув электрическую цепь детонатора фугаса, от мощного взрыва которого разрывало на куски военные «Уралы», а у танков и БМП детонировал боекомплект. Взрывом выбивало тяжеленную башню на несколько метров вверх и далеко выбрасывало мощный двигатель, засыпая окружающее пространство раскуроченными узлами и агрегатами многотонной машины. И то, что оставалось от экипажа, сослуживцы собирали на раскинутую армейскую плащ-накидку с последующим запечатыванием в цинковые гробы, а убогий пейзаж афганских дорог периодически пополнялся новыми сгоревшими остовами советской бронетехники.

Сослуживцы всегда очень трепетно относились к семёнычевским «бзикам» по поводу обеспечения безопасности личного состава, памятуя случай с майором Власенко, близким другом Белостокова, командиром отдельной разведывательной роты. В далеком 1981 году, несмотря на все уговоры Семёныча не преследовать отступающую по пещерным ходам группу боевиков в Панджшерском ущелье, бравинуя перед подчиненными, майор первым бросился в бесконечные лабиринты пещерных ходов Гиндукушских гор, где и сгинул навечно с двумя десятками бойцов. До сих пор все бойцы группы Власенко числятся без вести пропавшими.

Сколько ни прочесывали потом эти ходы разведчики, не было найдено ни тел, ни вообще каких-либо следов пребывания там людей. Даже попавшие в плен душманы из группировки одного из самых одиозных полевых командиров моджахедов Ахмада Шаха Масуда под пытками не вымолвили ни слова по поводу пропавших разведчиков.

Семёныч сидел за кухонным столом, потягивая горький бодрящий напиток, и вспоминал приснившийся сегодня под самое утро красочный сон, от которого бывалый разведчик больше так и не смог сомкнуть глаз. А приснился ему пропавший Борька Власенко, только почему-то сильно постаревший. Он стоял у того самого входа в пещерный лаз на обжигающем горячем афганском ветру и смотрел на друга из-под широкополой военной панамы-«афганки», потом закурил и зовущим жестом правой руки пригласил его с собой. Затем оглянулся, как бы желая что-то сказать, и усмехнувшись своей широкой белозубой улыбкой, снова исчез во мраке узкого пещерного хода.

– Эх, Борька-Борька, что ж ты... – не успел Семёныч закончить фразу, как её прервал звонок сотового телефона.

– Алло, Андрей Семёнович, это вас Скороспелый беспокоит. Помните такого?

– О, какие люди! Конечно, помню, Илюша. Ты по делу или просто в гости к старику решил заглянуть на пару рюмок чая? – обезоруживающе прервал долгие прелюдии старый разведчик.

– Если честно, по делу, Андрей Семёнович. Хотел с вами посоветоваться по одному деликатному вопросу, так как кроме вас здесь вряд ли кто поможет.

– Ну что ж, польщен, конечно, если такие люди из таких структур спрашивают моего совета, но ты тоже не переоценивай мои возможности. Хотя давай ближе к делу. Где хочешь встретиться?

– Да если вам будет удобно, то здесь, в «Стекляшке», – несколько извиняющимся тоном промолвил начальник управления диверсионного спецназа российской армии, приглашая легенду советской разведки в привычное для них обоих здание «Аквариума».

– Ну не раньше, чем через пару-тройку часов. Я пока доберусь по пробкам к вам на своей старенькой «Волге», вы там не заскучаете?

– Ждем с нетерпением.

Семёныч после разговора с генералом Скороспелым взбодрился. Приятно, конечно, когда твой опыт и знания по достоинству оценивают и перенимают не только страницы монографий и учебников, но и действующие сотрудники, да еще и такого высокого уровня. Ветеран оделся в строгий костюм, причесал густые седые волосы и сел в начищенную до блеска белую «Волгу–3102», доставшуюся ему из правительственного гаража еще в начале девяностых. Машина была сделана на совесть, для партийной элиты. Под капотом стоял мощный форсированный двигатель. Семёныч очень гордился своей машиной и всегда отмахивался от зятя-бизнесмена, пытающегося заменить тестю морально устаревшую гордость советского автопрома на новенький «Мерседес».

Белостоков выехал с подмосковной дачи заблаговременно, так как очень не любил опаздывать, даже если не назначал точного времени для встречи. Проехав дачный поселок, он выехал на безлюдную неширокую дорогу, густо поросшую по сторонам зарослями кустарника, а когда до выезда на автомагистраль оставалось каких-то двести-триста метров, его как будто кто-то тряхнул сзади. Ветеран разведки вдруг побледнел, опять засосало под ложечкой и бросило в пот. Старый диверсант резко крутанул руль вправо, остановив машину за небольшим поворотом дороги так, чтобы она не была видна со стороны трассы. Отойдя на несколько метров от обочины, Семёныч вдруг услышал рокочущий шум двигателя огромного грузовика, несшегося навстречу его машине. Водитель мощного автотягача «Вольво» увидел левый бок

припаркованной машины, торчащий из-за кустов, и на полном ходу направил многотонного монстра на белую «Волгу» ветерана.

Только сейчас у Семёныча сложилась в голове в одну картинку вся череда минувших событий сегодняшнего дня: тревожные сны с пропавшим товарищем, звонок полковника ГРУ, не беспокоящая много лет «чуйка» на опасность и излюбленный прием отечественных и иностранных спецслужб по «некриминальной» ликвидации неугодных персон – организация «случайного» ДТП с грузовиком. Водитель, как водится, «осознав весь ужас содеянного», наверняка сбежит из этой глуши еще до приезда милиции. А через пару дней в новостях объявят о поимке виновника аварии, показав в телевизоре опухшую рожу какого-нибудь забулдыги, на которого старательные опера навесят все грехи на автодорогах района за последние пару лет.

От страшного удара «Волга» взорвалась и смялась в лепешку под огромными колесами тягача. Крыша, капот и багажник оказались на одном уровне так, что машина сделалась похожей на огромный горящий металлический саркофаг.

Метров через тридцать грузовик остановился и медленно сдал назад. Из окошка показалась коротко стриженная голова водителя, который, посмотрев на горящую грудку металла, удовлетворенно шмыгнул носом и вылез из кабины. Обойдя вокруг горящей «Волги», спортивного вида любитель экстремальной езды с препятствиями увидел, что следы обуви на обочине отсутствуют, и, очевидно, сделал вывод, что водитель находился внутри машины. А так как проверить это предположение уже не представлялось возможным, мнимый дальнбойщик быстренько сел в грузовик, развернулся и рванул в сторону автомагистрали.

Семёныч, вылезая из густых придорожных кустов, не поверил своим глазам. Как он, семидесятилетний пенсионер, чуть заслышав шум несущегося грузовика, перемахнул по нескольким крупным булыжникам через придорожную полосу, не оставив ни единого следа, и нырнул «щучкой» в колючий шиповниковый куст, откуда не без интереса наблюдал за происходящим!?

– Ничего, молодёжь! Мы ещё повоюем! Там где вас, лодырей, этому всему учили, я преподавал! – прокряхтел ветеран разведки, отряхивая грязный и порванный в нескольких местах серый костюм.

Дойдя до дома и успокоив супругу, выбежавшую навстречу потрепанному мужу, Белосток достал из сейфа в подвале автоматический двадцатизарядный пистолет Стечкина, заботливо припасенный им еще с афганской войны и четыре магазина к нему. Быстро собрав сумку, отставной полковник вместе с женой сели в стоящий в гараже армейский «УАЗик», эксплуатирующийся Семёнычем исключительно для охоты и рыбалки, и выехали по грязной проселочной дороге в направлении Москвы.

Глава 4. Преданья старины глубокой

16 часов 25 мин 26 сентября 2001 года, Москва, здание Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС РФ.

Прождав Семёныча несколько часов, полковник Скороспелый, начал названивать ему на мобильник, но в динамике искусственный женский голос вежливо объяснил, что абонент отсутствует в зоне действия сети. Полковник разволновался не на шутку и приказал подчиненным срочно найти неприбывшего гостя.

Через несколько минут в кабинет к Скороспелому зашел капитан с докладом о страшном ДТП, случившемся с машиной Семёныча. А уже через полчаса черный «Мерседес» с мигалкой и специальными номерами Минобороны, доставил полковника Скороспелого и командира спецназа Волостных к месту трагедии, окруженному толпой зевак и милицейскими машинами.

– Вот так дела, Миш. Кто ж это так деда уделал? – отрешенно спросил полковник.

– Илья Григорьевич, да подожди ты сразу за упокой! Сейчас МЧСники распилят болгаркой кузов, тогда и будем поминать или радоваться, – выпалил Волостных, протирая платком выступившие капельки пота на гладко выбритой голове и с тающей надеждой взирая на манипуляции спасателей МЧС с огромной дисковой пилой.

Спецназовец всю сознательную жизнь придерживался железного правила: если ты не видел трупа, значит говорить о смерти как минимум преждевременно. А даже, если ты видел труп, то это вовсе не факт, что труп именно того, кого ты предполагаешь.

На этот раз такой жизненный принцип боевого офицера сработал как нельзя кстати и товарищи с облегчением вздохнули, когда на их глазах, выпилив большую часть спрессованной крыши обугленной «Волги», спасатели не обнаружили фрагментов тела водителя среди остатков оплавленной приборной панели, сгоревших сидений и кусков обшивки салона.

Усаживаясь обратно в машину, полковник Скороспелый вдруг начал судорожно искать по карманам запиликавший едва слышным сигналом мобильный телефон.

– Привет, Илья. Узнаешь? Надо срочно встретиться. Как обычно. Как можно скорее, – пробасил грубый мужской голос в динамике телефона.

Полковник сразу узнал, кто ему звонит. Это был отставной разведчик Кригер Герман Вольфович, более известный в узких кругах под псевдонимом Альберт. И этот круг лиц, лично знающих Альберта, был настолько узок, что, по сути, сводился к нескольким высшим офицерам ГРУ и отдельным спецназовцам, встречавшим Альберта во время специальных операций.

Альберт был «чистильщиком». Он, как никто другой, умел замечать следы за напортачившими разведчиками и, если того требовала необходимость, убирал случайных свидетелей всевозможных спецмероприятий, проводимых за рубежом. Звонок Альберта был не совсем уместен в складывающейся обстановке, когда полковник судорожно перебирал в голове варианты поиска пропавшего Семёныча. Но в то же время вызов на встречу со стороны такой персоны как Альберт, сам по себе был чем-то из ряда вон выходящим.

– Вань, трогай на Краснохолмскую набережную, кафе «Прибрежное», – обращаясь к водителю, скомандовал полковник.

Черный «Мерседес» с военными номерами припарковался метров за сто, не доезжая до кафе. Полковник Илья Скороспелый, одетый по гражданке в темно-синий костюм и белую рубашку, вышел из машины и быстрым шагом направился к кафе.

За столиком у окна с видом на Москву-реку сидели два хорошо знакомых полковнику человека: легендарный Семёныч и заметно располневший за последние годы Альберт, потягивающий из бокала темное пиво.

– Ну что, присаживайся, Илья Григорьевич, да расскажи, что это такое в мире творится, что меня после твоего звонка чуть тягачом не раскатали, – шутливым тоном, в котором явно прослеживались металлические нотки, начал диалог прищурившийся по-ленински Семёныч.

Полковник Скороспелый молча присел за стол, заказал себе чайничек ароматного липового чая и рассказал двум опытным разведчикам все события последних дней, которые скорее походили на фантастический рассказ, нежели на изложение фактических обстоятельств деятельности одного из самых секретных подразделений ГРУ.

– Однако! – звонко прищипнув языком, удивился Семёныч. – Без обид, Илюш, но я уж грешным делом и тебя в список подозреваемых поставил. А потом вот с Альбертиком переговорил. Он и убедил меня встретиться с тобой. Уж больно все непонятно. Кому мог перейти дорогу безобидный пенсионер, уже добрый десяток лет просиживающий задницу в архивах да библиотеках?

– Да какие уж тут обиды, Андрей Семёнович! Я б на вашем месте тоже самое думал. Мы сами в полных непонятках. Группу моих матерых диверсантов, как обоссавшихся сопляков, эвакуировали с поисковой операции – полная небоеспособность одной из лучших разведгрупп в один момент. Я о таком сам впервые слышу. Кстати, командир их в моей машине сидит, если вы не возражаете, товарищи, могу его пригласить.

– Да, пожалуйста, приглашай, мы уже давно в отставке, ни для кого интереса не представляем, – усмехнулся рыжий розовощекий весельчак Альберт, за плечами которого одних подтвержденных ликвидаций было несколько десятков, не говоря уже про обычные зачистки свидетелей и массу случайных жертв, пострадавших при взрывах и перестрелках.

Глядя на Альберта, никто бы в жизни не угадал, что за человек находится перед ним. Высокий, долговязый, сутулый, с копной спутанных рыжих волос на голове и уже хорошо заметной проседью, вечно небритый и одетый, как стареющий хипарь, Альберт всем своим видом походил на скандинавского туриста, заблудившегося в переулочках старой Москвы. Не хватало только рюкзака за плечами и фотоаппарата на шее. Альберт и вправду очень любил путешествия по миру, правда, после его турпоездки оставались или горы трупов, или же колонки местных газет покрывались свежими фотографиями без вести пропавших персонажей.

Через некоторое время после звонка полковника Скороспелого к столику в кафе подошел командир спецназа Михаил Волостных.

– О, Миша, сколько лет, сколько зим! Ты чего к старику давно не заглядывал? – радостно воскликнул Семёныч, протягивая руку знакомому ему офицеру. – Служба, я понимаю. Ну вот, и свиделись, причем, согласись, самым чудесным образом!

Прежде подполковник Волостных частенько бывал в гостях у Семёныча и всегда с огромным интересом слушал рассказы старого разведчика, жадно впитывая боевой опыт старшего поколения.

– Да, Андрей Семёнович, мы только что с Ильёй Григорьевичем с места аварии. Ума не приложу, кто это мог быть. А самое главное, зачем?!

– А затем, дорогие мои ребятюшки, что у вас, оболтусов, кроме меня не осталось никаких источников информации по интересующему вас вопросу. Никаких, уж поверьте на слово.

– Товарищи офицеры, предлагаю для дальнейшего продолжения беседы переместиться в более уютное и подходящее местечко, – тихим голосом предложил полковник Скороспелый собравшимся разведчикам, – например, на нашу ведомственную конспиративную дачу в Переделкино, где вам, Андрей Семёнович, с супругой первое время предлагаю пожить, пока мы тут все не утрясем. Разумеется, с нашей охраной, незримое присутствие которой заметить сможете, разве что только вы.

– Подумаем, Илья. А пока поехали. Шашлык с коньячком за вами с Мишкой. Надо ж как-нибудь старику восстанавливать утраченные по вашей милости нервные клетки.

– Так врачи ж говорят, что они не восстанавливаются вроде, Андрей Семёнович? – участливым тоном попытался обезнадежить старика командир спецназа.

– Это у гражданских не восстанавливаются, – отрезал ветеран. – А у нас с нашей работой их хватило бы максимум на пару месяцев без должного восстановления. Так что дуйте за коньяком, молодежь!

ГРУшная конспиративная дача представляла собой довольно-таки приличный советский особнячок, затерявшийся среди вековых сосен и елей, который мало отличался от соседских писательских домов, нещадно теснимых выросшими за последнее десятилетие громадными дворцами современных нуворишей.

Семёныч, развалившись в глубоком плетеном кресле перед камином, посмотрел на ожидающих шашлыка офицеров и сказал:

– Так, ребята, хватит греть рюмки. Давай по первой, а потом, может, и дождемся, когда Ваня с мясом управится.

Офицеры согласились со старшим товарищем и, не дожидаясь застрывшего у мангала полковничьего водителя, употребили по первой стопочке семизвездочного «Аралата». Семёныч продолжил:

– Что я вам хочу сказать, товарищи разведчики. Дело, в которое вы имели неосторожность вляпаться, весьма серьезное. С момента создания ВЧК в далеком 1917 году и по сию пору в недрах госбезопасности существовал специальный отдел, занимающийся вопросами, не имевшими с точки зрения здравого смысла какого-либо рационального объяснения. Отдел этот многократно менял свой состав, переформировывался, на короткое время упразднялся, но все равно необходимость в его наличии существовала всегда. Вот теперь ваши пути как раз и пересеклись с теми, кто поставлен следить за тем, чтобы определенного рода информация никогда не стала достоянием широкой общественности.

А точкой пересечения как раз и явилась ваша Белая гора с ее таинственными пещерами.

Подобных странных мест, где частенько фиксируются всевозможные чудеса, полно на территории России. И места эти известны с незапамятных времен всем местным жителям, которые реальные факты, переданные им из уст в уста от предков, со временем стабильно переводят в разряд мифов и легенд.

Придя к власти, большевистская группировка имела в своих рядах многих представителей всякого рода оккультных организаций. Одни масонские символы молодого советского государства чего только стоят – алые звезды с серпами-молотками. Так вот эти любители мистики, вроде первого руководителя спецотдела ОГПУ Глеба Бокия, свои оккультные интересы и изыскания в ту пору щедро подкрепляли административным ресурсом, пытаясь поставить интересные им идеи на службу коммунистической партии. Стоит сказать, что многое этим молодым оккультистам удавалось, начиная от интересных парапсихологических опытов, заканчивая созданием всевозможных ядов и психоактивных веществ. Но основной акцент все же ставился на организации всевозможных экспедиций по поискам то загадочной Шамбалы, то нашей полярной прародины на Кольском полуострове. Результаты данных экспедиций по большей части засекречены до сих пор, а информация, попадающая на всеобщее обозрение, содержит лишь крупинцы фактов, да и то сильно искаженных. Но не только в молодом советском государстве интересовались всем загадочным и необычным. Набирающий силу фашистский режим Германии проявлял ничуть не меньший интерес к знаниям, доставшимся нам от славных предков.

– Прошу прощения, Андрей Семёнович, – прервал исторический экскурс разведчика командир спецназа Волостных, – я что-то не совсем понимаю, о каких таких предках, обладающих недоступными современному человечеству знаниями, вы ведете речь? У нас на терри-

тории северной части СССР по большей части цивилизация насчитывает от силы пару тысяч лет, а то и меньше, насколько мне известно из истории.

– Да тут вот в чем дело, Миш. Официальный взгляд истории весьма однобокий, к тому же упорно отвергающий очевидные факты, представленные теми же археологами. Ну, сам подумай: по всему миру существуют сотни мегалитических сооружений, создание которых даже в современных условиях было бы весьма затруднительно. Поразительные знания в медицине, астрономии, металлургии, обработке камня, математике, физике и химии – все это, по мнению ученых, возникло чуть ли не сразу на заре шумерской и египетской цивилизаций в четвертом и третьем тысячелетии до нашей эры.

Причем современная наука, говоря о развитии цивилизаций, охватывает своим близоруким оком лишь временной период в 6-8 тысяч лет, отменяя даже мысль о том, что все могло возникнуть гораздо раньше. Не признаются все существующие легенды, мифы и исторические хроники, бытующие у многих народов, причисляя все это к разделу народного творчества и вымысла. А в тех же шумерских и египетских мифах детально описано, кто и когда из так называемых богов приходил к людям и чему их учил. Да и вообще вполне понятно описывается процесс сотворения современного человека путем манипуляций с генами.

А если откроем древнеиндийские Веды, то там вообще находим знания о таких временных характеристиках и законах физики, известных древним людям, что просто диву даешься. Есть еще и такой интересный факт: по всему миру в скульптуре и живописи встречаются всевозможные необычные существа – кентавры, минотавры, сфинксы, птицы с человеческими лицами, козлоногие полулюди и так далее. Не наводит ни на какую мысль? Почему это вымысел не одного какого-нибудь народа, а разных цивилизаций, даже не контактирующих между собой? Хотя в древних источниках об этом упоминается. А сколько легенд и историй о могучих великанах, богатырях, своими размерами поражающих всех вокруг! Вспомните сказания о Святогоре-богатыре, например. Да чего уж там далеко ходить – возьмем даже канонический текст Ветхого Завета, Книгу Бытия. Там есть упоминание, что сыны Божии сходили к дочерям человеческим и от их союза рождались исполины, которые вскоре и привели допотопную цивилизацию к краху, неправильно используя свои знания и силу. И ведь здесь речь идет явно не об ангелах, а о вполне материальных существах, вступивших в контакт с земными женщинами. И что самое интересное, подобных сказаний по всему миру сотни, причем все они очень похожи друг на друга.

– Так что ж это получается, Андрей Семёнович, – вмешался в разговор полковник Скоospelый, – эти так называемые боги – вполне реально существовавшие персонажи?

– Да, совершенно верно, Илья! Большинство ныне известных в мифологии богов представляли собой вполне похожих на современных людей существ с проблемами, подобными нашим; они так же ели, пили, изменяли своим женщинам, убивали друг друга, воскресали из мертвых, боролись за власть. Здесь в один ряд можно поставить и египетского Осириса, и шумерского Мардука, и ханаанского Баала, и греческого Зевса, и скандинавского Одина со славянским Сварогом. Так что в древних легендах и мифах речь идет вовсе не о персонификации природных сил, как нам рассказывали в школе, а о реальной истории жизни нашей планеты, на которой было уже несколько цивилизаций, каждая из которых погибала от различного рода катаклизмов, как пресловутая Атлантида.

Но тем не менее погибали не все представители працивилизаций. Именно оставшиеся и являлись учителями и наставниками для нового поколения, осторожно передавая накопленные знания своей эпохи и стараясь направить новый виток жизни людей в нужное русло, чтобы не допустить очередной мировой катастрофы. Но, как говорил мудрый Экклесиаст: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

– Да уж, озадачил ты нас, Андрей Семёнович, есть над чем поразмыслить долгими осенними вечерами, – заинтересованно сказал Альберт, активно пережевывая сочный кусок бараньего шашлыка.

– Да, а чтоб лучше думалось, разливай скорее, а то в горле пересохло у оратора! – шутливо заметил Семёныч и продолжил рассказ. – Так вот, как я уже сказал, знания эти были просто колоссальные. В тех же Ведах есть информация о нескольких видах оружия массового поражения, таких как ядерное, климатическое, психическое и даже не известное ныне, а также о летательных аппаратах и других весьма любопытных вещах. Эти знания могут стать убийственными для нашей планеты, если попадут не в те руки. И именно за этими знаниями всю историю современной цивилизации и гоняются мировые державы, желая поработить или уничтожить всех остальных. Но в мире есть еще и скрытая сила, отвечающая за равновесие и не допускающая большого перекоса военного и технического потенциала у сверхдержав, а также активно следящая за поисками древних знаний. Нет, это не секретные отделы гбэшников, которые, конечно, тоже активно ищут и со своей стороны охраняют наследие древних, это надгосударственная организация, опутавшая своей паутиной весь мир.

– И что же это за организация, неизвестная даже Главному разведуправлению? – съехидничал Альберт.

– В литературных источниках она описана как «Союз девяти неизвестных», созданный в стародавние времена якобы для защиты цивилизации от неправильного применения продуктов научного прогресса. По одной из версий поводом послужило применение оружия массового поражения в крупной битве, описанной в индийском эпосе «Махабхарата», приведшей к многочисленным жертвам. По другой версии инициатором создания тайного общества был выдающийся индийский правитель, царь Ашока, также ужаснувшийся огромному количеству жертв в одной из своих битв. Члены тайной организации занимались сбором и сохранением в тайне доступных человечеству знаний, полученных в ходе научного прогресса, а также доставшихся в наследство от предыдущих цивилизаций. Что же представляет собой эта организация в действительности, никому не известно.

– Андрей Семёнович, при всем уважении, ну уж это больше похоже на какие-то сказки! – возразил рассказчику полковник Скороспелый.

– Да, Илья, я бы и сам ни за что не поверил бы в эту ахирию, не будь неоднократным свидетелем активных проявлений этой организации, когда кто-то из наших намеренно или по незнанию пытался влезть в сферу их контроля. Впервые я столкнулся с чем-то подобным еще во время войны в Афганистане, а потом уже после выхода в отставку начал усиленно рыть госархивы и просиживать задницу в библиотеках. Информации накопил, конечно, очень много, но тут еще предстоит провести большую работу, чтобы, как говорится, отделить зерна от плевел, потому как каждый факт обрастает кучей слухов и искажений, а при последующих передачах все это может быть превратно истолковано.

– А что случилось в Афганистане, если не секрет? – спросил Альберт, которого эта война, к счастью, обошла стороной, так как все восьмидесятые годы Альберт всецело посвятил себя очищению стран Ближнего Востока и Западной Европы от заклятых врагов социалистического режима.

– Так вы все прекрасно знаете про моего пропавшего друга Бориса Власенко. Так вот, примерно через месяц после его исчезновения вместе со всей разведгруппой к нашим разведчикам в афганской провинции Бадахшан попал паренек, выходец из недоступной высокогорной деревушки на границе с Пакистаном. Там до сих пор остались местные племена, исповедующие древнейшую проарийскую религию и избежавшие ассимиляции с остальным исламским населением. Так вот этот паренек через переводчика поведал разведчикам, что несколько недель назад отряд численностью около двадцати человек в советской военной форме был замечен местными пастухами недалеко от их языческого святилища в горах. Парень подробно

рассказал, во что были одеты солдаты, которые, с его слов, прошли мимо пастухов, как будто не замечая их вообще, даже головы никто не повернул. Отряд якобы вошел в какую-то священную для местных пещеру в горе и также бесследно исчез в никуда. Мы, естественно, захотели сами поговорить с пареньком и взять его проводником, чтобы вывел на то место. Добираемся, значит, до деревушки, указанной разведкой, а деревушки-то и нет никакой. Вернее, вместо деревушки видим огромный недавно сошедший горный ледник, похоронивший все живое в нескольких километрах вокруг. Случайность, скажите вы, – возможно, только вот по данным сейсмологов в той местности в горах ночью произошел взрыв колоссальной мощности, сравнимый с небольшим ядерным зарядом. Причем взрыв глубинный, к землетрясению не имеющий никакого отношения.

– Ничего себе, кто-то следы замечает! Да я просто ювелир, со своими двадцатью килограммами тротила в Бейруте! – рассмеялся Альберт, вспоминая, как пришлось ликвидировать следы пребывания советских военных представителей в столице Ливана. Когда израильские солдаты ворвались в здание с хранившимися там секретными документами, рыжий озорник Альберт дистанционно привел в действие мощное взрывное устройство, разнесшее на атомы не только шкаф с важной макулатурой, но и всё пятиэтажное здание, ставшее братской могилой для доброго десятка солдат армии обороны Израиля.

– Андрей Семёнович, ну а что по нашей кавказской теме можете рассказать? – спросил утомленный долгими прелюдиями командир спецназа Волостных.

– А ваша тема, дорогой мой Миша, ровным счетом не отличается ничем от моей стародавней бадахшанской истории со сгинувшим в пещерах лучшим другом. Вы, голубчики мои, наткнулись на одно из самых загадочных мест на территории Евразии, точнее на один из проходов к этому месту, расположенному где-то в недрах Кавказского хребта. И смею предположить, что штурмовики СУ-25 в предрассветных сумерках решили атаковать группу боевиков не по прихоти похмельного начальства, а по приказу с самого верха по причине критического приближения отважных ваххабитов к запретному для простых смертных тайному ходу в бесконечные пещерные лабиринты Кавказских гор. Более того, скажу, что зайти в эти пещеры посчастливилось за всю современную историю лишь однажды в 1942 году нескольким высшим чинам СС, сотрудникам одной из самых секретных организаций Третьего рейха «Аненербе». Но это уже совершенно другая история.

Глава 5. Все новое – это хорошо забытое старое

29 сентября 1942 года, Тбилиси, Особый отдел НКВД Закавказского фронта.

В кабинет начальника особого отдела НКВД Закавказского фронта старшего майора госбезопасности Николая Максимовича Рухадзе постучался и молча вошел высокий широкоплечий мужчина в выцветшей военной форме без знаков отличий. Старший лейтенант Сергей Харитонович Самохвалов, а именно так, если верить архивам НКВД, звали мрачного гостя, был командиром секретной диверсионной группы, формально входившей в состав Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД, группа альпинистов которой была направлена для обороны перевалов Кавказского хребта летом 1942 года. При виде гостя хозяин кабинета встал, протянул руку и чуть заикающимся голосом предложил присесть за стол, нервно сминая носовой платок в потном кулаке.

Стоит отметить, что старший майор Рухадзе слыл человеком весьма жестоким и беспощадным к врагам народа, в число которых он щедро записывал всех тех, кто, по его особому мнению, не соответствовал эталону благонадежности и преданности трудовому народу. Поэтому пытки и жестокие избиения на допросах были заурядным делом. Да что там говорить, будь воля Николая Максимовича, советское уголовно-процессуальное законодательство, в частности его раздел про дознание и следствие, по своему гуманизму мало бы чем отличался от средневекового трактата «Молот ведьм», детально регламентирующего изощренные способы добычи признаний во всех смертных грехах. Чего только стоила фраза товарища Рухадзе: «Кто не бьет, тот сам враг народа!», получившая широкое распространение в конце тридцатых годов среди ретивых НКВДшных следователей, наконец-то получивших складный мотивирующий лозунг для любимой работы. Но как выяснилось в долгосрочной перспективе, излишняя ретивость товарищу Рухадзе, как и многим другим землякам и соратникам Лаврентия Павловича Бери, вышла боком. Так в 1955 году Николаю Максимовичу пришлось уже не по своей воле перекрашивать мрачную стенку тбилисской тюрьмы содержимым собственной черепной коробки.

Но, впрочем, мы отвлеклись от описываемых событий только ради того, чтобы показать, что для старшего майора госбезопасности Рухадзе на территории Закавказья авторитетов особых не было: он никого не боялся. Именно поэтому его поведение при виде долгожданного гостя вызывало определенное недоумение. А вот в поведении вошедшего в кабинет старшего лейтенанта Самохвалова вообще не угадывалось не то что страха, но и какого бы то ни было пиетета по отношению к высокой персоне начальника военной контрразведки фронта.

Сергей Харитонович был родом из кубанских казаков-пластунов, служил войсковым старшиной пластунского полка, так называемого «казацкого спецназа» – особого подразделения в казачьем войске, занимающегося разведывательной и диверсионной работой в глубоком тылу противника. О боевых способностях пластунов ходили легенды, часто носящие мистический характер, и, как позднее выяснилось, небезосновательно.

Каким образом матерый казак оказался на службе в НКВД, история по большей части умалчивает. Известен лишь один вопиющий факт: в тридцатые годы во время голода на Кубани, когда Советская власть изымала последнее зерно по станицам, в одном хуторе бесследно исчезли представители партийной ячейки, участвующие в раскулачивании большой казачьей семьи. Туда была направлена опергруппа НКВД, которая также канула в лету. Лишь после того как хутор был окружен войсками и началась массовая зачистка, чекисты столкнулись с яростным сопротивлением казаков, причем боестолкновение выдалось настолько нетривиальным, что о его результатах местные чекисты очень боялись докладывать в Москву. Так как из девятнадцати погибших в перестрелке сотрудников НКВД, двенадцать человек оказались застрелены своими же товарищами, утверждавшими все как один, что стреляли они при-

цельно по казакам. Только после того как руководством чекистов было принято решение спалить взбунтовавшийся окруженный хутор вместе с непокорными жителями, казаки приняли решение сдаться. Что произошло далее, можно только гадать. Известно лишь то, что этот хутор больше никто из властей не трогал, а, попросту говоря, его вообще старались объезжать стороной как проклятое место.

Арестованные казаки вернулись домой все, кроме девяти мужчин из рода Самохваловых. О них ничего не было известно среди казаков вплоть до начала Великой Отечественной, когда выходцы из злополучного хутора, воевавшие на разных фронтах, рассказывали, что изредка узнавали знакомые лица казаков Самохваловых среди диверсантов, возвращавшихся через линию фронта из тылов противника. Правда, ни на какие контакты никто из них не шел, поэтому какой-либо информации о пропавших казаках попросту не было.

Старшему лейтенанту государственной безопасности Самохвалову на вид было около сорока пяти лет. Ровную линию лба у границы черных с проседью волос нарушал крупный рубец от осколка гранаты, протянувшийся вплоть до левого виска. Усы «подковкой», обрамлявшие тонкие, казавшиеся поджатыми губы, еще заметнее визуальнo опускали уголки рта вниз к мощному выступающему подбородку, выражая на лице казака гримасу холодной ненависти и презрения. Но самыми страшными в его облике были глаза – леденящий душу давящий взгляд исподлобья. Смотреть в эти бездонные черные колодцы было попросту невозможно. Ужасающее ощущение холода и страха передавалось даже через фотографию, не говоря уж о непосредственном контакте с Самохваловым, на который решалось идти очень ограниченное число лиц из центрального аппарата НКВД, да и то только в экстренных случаях.

Собравшись с духом, старший майор Рухадзе начал неприятный для него вынужденный диалог, разложив подробную карту местности на зеленом сукне стола:

– Сергей Харитонович, я вкратце изложу обстановку и задачи для вашей группы. Как стало известно, немецкие войска активно прорываются на восточном направлении к Грозному. 21 августа группа немецких альпинистов из горно-стрелковой дивизии «Эдельвейс» водрузила фашистское знамя на вершине Эльбруса. Данная выходка местного командования даже Гитлеру показалась бессмысленной, но настораживает другое: сначала в Баксанской долине по данным разведки была замечена группа то ли спелеологов, то ли альпинистов, которая начала поиск пещерных ходов в горах. И еще, уже второй «язык» подтверждает, что в одну из пещер спустилась большая делегация высоких чинов СС, сопровождавшая группу каких-то азиатов, завернутых в оранжево-багровые одеяния. Причем делегация назад не вернулась. Согласно местным легендам в Приэльбрусье находится разветвленная сеть пещерных ходов, тянущихся вглубь горы. Более того скажу, фашистские альпинисты в довоенный период дружбы между нашими государствами вдоль и поперек облазили все окрестности Эльбруса. Что искали – непонятно, но НКВД на всякий случай перекрыло большинство туристических маршрутов. А вот на прошлой неделе уже на территории Итум-Калинского района Чечено-Ингушетии бойцы из 141-го горно-стрелкового полка оперативных войск НКВД преследовали одну из бандгрупп из отряда Хасана Исраилова. У подножья горы Тебулостмы несколько десятков бандитов исчезли в районе старых замурованных шахт. Еще до 1905 года одна из швейцарских фирм добывала там горный хрусталь, а потом вдруг резко свернула разработки и замуровала шахты. Так вот, ни одного бандита найти не удалось до сих пор, все как сквозь землю провалились. А Хасан Исраилов и Маирбек Шерипов¹ уже несколько лет баламутят местное население, они объединили свои отряды и давно установили контакты с абвером². По данным разведки в районе западнее горы Тебулостмы ночью десантировались две диверсионные группы абвера,

¹ Хасан Исраилов (1910 – 25 декабря 1944), Маирбек Шерипов (1905 – 7 ноября 1942) – организаторы антисоветских движений в Чечне в 1940—1944 гг.

² Абвер – орган военной разведки и контрразведки Германии в 1919– 1944 годах, входил в состав Верховного командования Вермахта.

которые должны были встретиться с бандой Исраилова в ближайшие дни. Но войска НКВД загнали бандитов в шахты, поэтому фашистские диверсанты сейчас затаились где-то поблизости от них и ждут выхода на связь. По нашему мнению, бандиты умело используют пещерные ходы и шахты в горах, о протяженности которых мы можем только догадываться.

Наша цель: не допустить фашистов в пещеры Кавказского хребта на контролируемой нами территории, потому как последствия использования этих пещер врагом предвидеть невозможно. Ваша основная задача весьма непростая: взять живым кого-нибудь из высадившихся диверсантов абвера в качестве «языка». Не мне вам рассказывать об уровне подготовки разведки вермахта и общей сложности операции. Поэтому высшим руководством задачу было решено поручить именно вашему отряду. Горное обмундирование и все необходимое вы получите у моих подчиненных. Когда сможете приступить к выполнению операции?

– Завтра на рассвете выдвигаемся, – коротко пробасил казак. – Это все?

– Ну, в общем, вся информация, которой мы располагали, теперь вам известна. Можете идти, капитан Смирнов вас проводит, – хозяин кабинета поднял трубку телефона и вызвал к себе подчиненного.

Старший майор госбезопасности Рухадзе с опаской посмотрел на захлопнувшуюся за мрачным гостем дверь и, протерев скомканным платком вспотевший лоб, тяжело выдохнул. В памяти вдруг всплыли слова знакомого полковника из Главка про этого головореза со товарищи, которых даже не селят вместе с остальными сотрудниками, опасаясь за психическое здоровье последних, так как казаки были великие мастера морочить головы и вводить присутствующих в какие-то гипнотические состояния, вселяя в сердца необъяснимый страх перед ними. А про то, что это казачье племя, по слухам, вытворяло в тылу противника, и говорить страшно. Таким талантливым головорезам даже простили гибель взвода НКВДэшников в обмен на их клятву преданно служить трудовому народу в рядах специального подразделения Наркомата внутренних дел, что они старательно делали последние десять лет.

30 сентября 1942 года, Итум-Калинский район Чечено-Ингушской АССР, северо-восточные горы Тебулостмы.

Спецотряд из девяти человек под руководством старшего лейтенанта госбезопасности Самохвалова Сергея Харитоновича десантировался ночью с самолета на относительно ровный участок горного ущелья. Спрятав парашюты, бывшие казаки-пластуны, а ныне сотрудники секретного диверсионного отряда Наркомата внутренних дел, облаченные в маскировочные халаты, пробирались по склону горы, направляясь в район заброшенных шахт у подножия самой высокой горы Восточного Кавказа.

Когда осеннее солнце начало лениво пробивать густую вату тумана, вдалеке, в районе показавшейся на горизонте старинной боевой башни, вдруг послышались одиночные выстрелы, а затем и автоматные очереди. Казаки, мгновенно разделившись на тройки, начали окружать район боевых действий. Подобравшись ближе, старлей Самохвалов увидел в бинокль троих горцев, прятавшихся за камнями и изредка пытавшихся стрелять из винтовки и немецких пистолетов-пулеметов МП-38 по бойницам башни. Четвертый джигит валялся рядом на груде камней и не подавал признаков жизни.

Командир диверсантов принял решение не вмешиваться и понаблюдать за происходящим. Убогие попытки гордых обитателей Кавказских гор попасть в отстреливающегося затворника боевой башни ни к чему хорошему не привели. При очередном появлении из-за груды камней головы одного из осаждавших сверху прозвучал винтовочный выстрел, в результате которого в темя нерасторопного абрека прилетела пуля калибра 7,62 мм, пронзившая голову, словно гнилой арбуз, и разорвавшая надвое нижнюю челюсть. Подстреленный горец скатился вниз к ногам товарищей, своим обезображенным видом окончательно погасив их боевой пыл.

Из-под грязно-белой бараньей шапки торчали лоскуты окровавленных щек с ключьями слипшейся от крови бороды и демонический оскал из острых обломков передних зубов. Оставшиеся в живых два абрека, несмотря на уязвленную гордость, все-таки решили отказаться от бесперспективной затеи долгосрочной осады боевой башни и поспешно ретировались вниз по склону.

Через некоторое время, наконец-то, показался и сам воинственный обитатель местного архитектурного шедевра 16-го века, держа в единственной руке винтовку системы Мосина образца 1891 года. Второй руки ниже локтя не было, как, впрочем, и левого глаза. Горец был одет в советскую военную форму, на петлицах которой виднелись три красных эмалевых треугольника, выдавая в своем обладателе сержанта рабоче-крестьянской Красной армии.

Первым окликнул однорукого сержанта подползший ближе всех к месту боя двоюродный брат командира спецотряда НКВД Ваня Самохвалов, законно ожидая выстрела, немедленно прозвучавшего в ответ. Что и требовалось другому казаку, зашедшему сзади для того, чтобы в несколько прыжков налететь со спины и обезоружить горца, пытавшегося передернуть одной рукой затвор винтовки, прижав оружие кулечей левой руки к груди.

Очухавшийся от неожиданного нападения и признавший, в конце концов, невесть откуда взявшуюся свору вооруженных людей за советских солдат, горец начал на ломанном русском языке объяснять казакам, кто он такой и что здесь произошло. Оказывается, однорукого воина звали Саламбек, он воевал с фашистами под Ростовом в пехотном полку, где в бою получил тяжелые осколочные ранения. Впоследствии он был награжден орденом Красной Звезды и с почетом комиссован из рядов рабоче-крестьянской Красной армии в родной высокогорный аул, расположенный неподалеку от здешних мест.

Валявшийся с разорванной физиономией горец звался Вахой и приходился заклётым кровником Саламбеку. Прознав о возвращении орденоносного увечного красноармейца в родное селение, Ваха решил поквитаться с ним, ловко соединив мотивы личной вражды с благородной идеей священного джихада, объявив ни в чем не повинного Саламбека предателем своего народа и главным приспешником неверных. Идею расправы над предателем с радостью поддержали новые товарищи Вахи, вместе с которыми он состоял в мятежном отряде Хасана Исраилова, вот уже несколько лет активно досаждавшего молодой советской власти на территории южных районов Чечено-Ингушской АССР. Но вышло все совсем не так, как замыслилось в горячих головах народных мстителей. Никто и предположить не мог, что однорукий и одноглазый ветеран, почуяв слежку за собой, рванет как ошпаренный и запрется в старинной боевой башне. А его снайперские выстрелы превратят благородный лик Вахи в некое подобие раскрывшегося бутона огромной гротескной розы, попутно с ним пристрелив еще одного незадачливого абрека.

– А к заброшенным шахтам нас провести сможешь? – поинтересовался у горца бывший казачий войсковой старшина.

– Провести смогу, но дальше не пойду, – выпалил Саламбек и отвёл взгляд в сторону.
– Я отцу обещал, что не пойду туда.

– Да ты, в общем-то, там и не нужен будешь, только дорогу покажи. А что ты обещал отцу, Саламбек? – вдруг оживился Ваня Самохвалов.

– Отец запретил туда ходить. Это плохое место. Наши старики знали про него с давних времен. Там много лет назад хрусталь добывали, шахты глубокие рыли. Не послушали наших стариков, потом и поплатились за это. Много людей там пропало.

– Ну, пойдем, хоть до шахт нас доведешь, коли такое дело, – прозвучал приглушенный бас старшего Самохвалова, заподозрившего в словах горца какую-то недосказанность.

Вернув отставному сержанту «трехлинейку», бойцы спецотряда НКВД рассредоточились и осторожно двинулись в направлении горы Табулостмы, снежная шапка которой горделиво возвышалась вдали над скупым осенним пейзажем. Только к вечеру, когда пропали послед-

ние отблески заходящего за горные гребни солнца, отряд достиг намеченной цели и командир распорядился организовать привал в небольшой расщелине между поросшими кустарником огромными камнями. Стремительно накрывшая ущелье черная дождевая туча еще сильнее усугубила картину промозглого осеннего вечера в горах.

Впрочем, непогода никоим образом не смогла негативно сказаться на настроении бывших казаков, которые продолжали травить похабные анекдоты и всячески подшучивать друг над другом, чем вызывали еле сдерживаемый гнев Саламбека. Он даже отсел подальше от костра, чтобы только не слышать этих виртуозно вставляемых в разговор сложных матерных конструкций, живо и красочно описывающих будущую картину извращенных половых взаимоотношений участников диалога с ожидаемыми фашистскими диверсантами, которых, если воспринимать буквально слова затейливых казаков, ожидала незавидная участь жертв постыдного надругательства. Одним словом, картина «Казаки пишут письмо турецкому султану» вдруг ожила и заблестала новыми красками.

Когда над вершинами гор чуть забрезжил рассвет, к входу в одну из старых штолен осторожно подползли два бывших казака, отправленных командиром спецотряда в разведку. Услышать передвижения пластунов даже в ночной тишине родных кубанских плавней крайне редко кому удавалось. Казаки могли часами сидеть в самых неудобных и труднопроходимых местах, затаившись в засаде, а потом внезапно обрушиться, словно коршуны, на зазевавшегося врага. При разведке местности или вылазках за «языками» у пластунов с давних времен было заведено обувать специальную мягкую кожаную обувь мехом наружу, которая практически не оставляла следов.

Понаблюдав минут десять за входом, опытный пластун Степан Тарасенко, которого все кликали Степанычем, пришедшийся кумом командиру отряда Самохвалову, вдруг услышал шуршание опавшей листвы за большим осколком скалы метрах в пятнадцати правее. Следом в предрассветном тумане вдруг прояснились очертания горской барашковой папахи. Степан подал знак рукой своему молодому напарнику Кольке Косенко, попавшему в плен к чекистам вместе с остальными сородичами, когда ему едва исполнилось 17 лет, но зарекомендовавшего себя весьма способным воином. Знак старшего товарища означал, что «брат» дозорного абрека предстояло ему. Колька аккуратно достал из-за пояса нагайку и тихо, по-змеиному, подкрался сзади к намеченной цели. Увидев, что снулый дозорный находится в одиночестве на своем посту, молодой пластун отработанным движением накиннул нагайку петлей вокруг шеи горца и, резко развернувшись, вздернул последнего себе на хребет. Судя по всему, такого продолжения предрассветного сна дозорный никак не ожидал. Не издав даже хрипа, он несколько раз дернул в воздухе ногами, а потом, закатив выпученные глаза ко лбу, раскинул руки в стороны и повис на спине пластуна, как прикованный к скале Прометей. Дабы не «передержать» придушенного абрека, Колька аккуратно опустил его на землю и вместе со Степанычем уволок ценного «языка» в расположение своих.

Допрос вел сам командир Самохвалов, никаких физических пыток к обескураженному горцу никто и не думал применять. Уж кто-кто, а командир пластунского отряда сумел бы развязать язык даже мертвецу. Ему достаточно было просто посмотреть человеку в глаза, как у того парализовывало всю волевою деятельность и он превращался в некое подобие сомнамбулы, но с сохранением активной речевой функции. Картину допроса печаливал лишь факт, что плененный чеченец очень плохо говорил по-русски, и никакое суггестивное вмешательство не могло исправить этого досадного недоразумения.

Из слов горца было понятно немного. После того, как отряд мятежников несколько дней назад вступил в бой с войсками НКВД, бандитам пришлось скрыться в районе заброшенных штолен, а потом они вышли на поверхность для встречи немецких диверсантов, проявивших нездоровый интерес к пещерам и шахтам в здешних горах.

Ближе к полудню допрошенный чеченец, представлявший теперь некое подобие лоботомированного пациента дома скорби, был возвращен казаками на боевой пост, а весь личный состав диверсионного отряда НКВД расположился в засадах вокруг центрального входа в заброшенную штольню в трепетном ожидании визита непрошенных иностранных гостей.

Гости, к счастью, не заставили себя долго ждать. Ближе к вечеру в отдаленном горном пролеске дважды был замечен отблеск оптического прицела или бинокля. А через пару часов к месту предполагаемой встречи со связным вышел один из диверсантов. Остальные его подельники в это время со всех сторон окружали данное место, опасаясь засады. Судя по тактике действий, диверсанты были очень хорошо подготовлены. Отследить их перемещения было практически нереально. Умело используя особенности горной местности, никто из них не вышел на траекторию выстрела казачьих снайперов.

Старлей Самохвалов изначально решил не дать возможность фрицам пройти в штольню, потому что шанс схватить хоть кого-нибудь из них живым при таком раскладе стремительно приближался к нулю. А судя по уровню подготовки вражеских диверсантов, весьма несладко придется казакам и во время боя на открытом пространстве, так как задача взять живым такого матерого противника предполагает вступление в близкий огневой контакт с учетом того, что со стороны врага будет работать как минимум один снайпер.

Глава 6. Бой у заброшенной штольни

После короткого разговора с полувменяемым дозорным диверсант явно кавказской наружности, облаченный в грязный маскировочный халат, негромко присвистнул и обернулся по направлению к схоронившимся в зарослях сообщникам. Однако никаких движений в течение нескольких часов в округе видно не было. Все это время горцы о чем-то мирно беседовали, по крайней мере, так казалось со стороны. Судя по всему, такие странности в поведении дозорного, как вялая речь и общая заторможенность, несильно удивили бывшего выходца с непокорного Кавказа, а ныне непримиримого борца с советским режимом в рядах доблестной военной разведки вермахта. Да и чему тут удивляться, если дозорный просидел на своем посту несколько суток голодный и спавший лишь урывками.

Все это время бойцы спецотряда НКВД вглядывались в ближайшие горные пролески, стараясь выявить «лежки» остальных диверсантов. И вот перед самым заходом солнца неожиданно из-за камней показалась фигура одного из фашистских гостей, более похожая на внешне ожившую гору опавшей листвы, и короткими перебежками направилась к входу в штольню. Осмотревшись по сторонам, диверсант не стал приближаться к своему сообщнику и к дозорному, а занял боевую позицию чуть выше по склону, очевидно для прикрытия своих. Остальные диверсанты, которых казаки насчитали двенадцать человек, подтянулись только с наступлением темноты. С одной стороны, наступившая темнота значительно облегчала задачу по добыче «языка», с другой стороны, никто и предположить не мог, что диверсантов окажется так много и что они сразу же начнут оборудовать оборонительные позиции возле входа в штольню.

Казаки, никоим образом себя не проявлявшие при приближении неприятеля, терпеливо ждали приказа атамана Самохвалова, но тут один из ночных гостей вплотную приблизился к позиции Кольки Косенко, и тот был вынужден атаковать неприятеля первым. Невесть откуда прилетевший из кромешной тьмы приклад пистолета-пулемета системы Шпагина мгновенно потушил сознание фашистского диверсанта, попутно расколов ему челюсть в нескольких местах. Колька ловко подхватил падающее тело, но из руки фашиста вылетела саперная лопата, которой тот только что собирался окапываться, не учтя того момента, что предполагаемое место боевой позиции окажется занятым кем-то еще. Неожиданный звон ударившегося о камни металла привлек внимание сразу же нескольких находящихся рядом сообщников неудачливого агента вражеской военной разведки, которого гостеприимный казачок Колька надолго отправил в недружелюбные объятия Морфея. Ждать далее уже не позволяла ситуация, и в ближайшие несколько секунд более половины абверовцев попадали, словно скошенные, от прилетевших в их адрес пуль и метательных ножей. Остальная половина диверсантов весьма технично и слаженно отступила к входу, открыв огонь во все стороны и забросав гранатами близлежащую территорию. Несколько казаков бросились наперерез отступающим фашистам, но были прижаты шквальным огнем к земле. Неожиданно из входа в штольню показался Степаныч, который вместе с Ваней Самохваловым организовал засаду внутри входа, и начал вести автоматный огонь по приближающейся группе, сразив очередь сразу двоих гитлеровцев. В ответ в его сторону полетели гранаты, и он чудом успел укрыться в расщелине между большими камнями.

Воспользовавшись неприкрытым входом, четверо фашистских диверсантов сумели проскочить и скрыться в кромешной темноте тоннеля.

Казаки осторожно подошли с боевых позиций к месту боя. Весь склон горы возле входа в старые штольни дымился от недавних взрывов гранат. Преследование неприятеля не имело уже никакого смысла: бой в темноте в узком разветвленном тоннеле с учетом наверняка уже поставленных мин – не самый удобный способ самоубийства.

Из результатов боестолкновения напрашивался неутешительный вывод: казаки потеряли в бою Ваню Самохвалова, еще один казак был сильно контужен и посечен осколками гранат. Из числа фашистов шестеро были мертвы, трое тяжело ранены. Причем один из них, вырубленный прикладом Кольки Косенко, в ближайшие несколько недель вряд ли смог бы что-то вразумительно поведать, так как его лицо было похоже на футбольный мяч от массивного отека переломанной и вылетевшей из суставов челюсти. Дозорный чеченец вообще валялся без головы на месте своего боевого поста. Но тут ситуацию еще более усугубил выкинутый одним из раненых диверсантов фортель: в то время как казаки пытались привести его в чувства и разговаривать, тот, словно голодный пес, вцепился в расстегнутый воротник своей гимнастерки, хрустнул зубами и захрипел. Из рта пошла обильная пена, тело забилося в страшных судорогах и затем словно окаменело в руках ошарашенных пластунов. В воздухе повис четко ощущаемый запах миндаля.

– Держите пасть другому, придурки! Это цианид! – заорал во всю глотку разъяренный атаман Самохвалов. – Отравился, змееныш! Вот гад!

Через некоторое время, рассмотрев внимательнее трупы неприятелей, стало понятно, что из убитых диверсантов только трое имели европейскую внешность, остальные были выходцами с Кавказа. Единственный из оставшихся в живых абверовец, тоже кавказец, уже вполне пришел в себя и в ответ на русскую речь что-то бубнил по-чеченски, явно пытаясь выдать себя за невладеющего интернациональным языком трудового народа, но неожиданное появление увечного Саламбека и заданные им в адрес диверсанта несколько вопросов на его родном языке отбили всяческое желание играть в интуриста.

Гитлеровец вполне сносно на русском языке рассказал, что зовут его Лом-Али и что ему было известно не так уж и много про эту специальную операцию. Отряд представлял собою сводную группу батальона особого назначения «Бергманн» – специального диверсионного подразделения абвера, укомплектованного в основном выходцами с Северного Кавказа и Закавказья из числа военнопленных, изъявивших желание служить рейху, и прочих предателей и перебежчиков. Остальную часть личного состава батальона составляли немцы, хорошо владеющие русским языком. Операцию возглавлял обер-лейтенант Клаус Шпигель, трупа которого не обнаружилось среди перебитых гитлеровцев; по всей видимости, он прорвался в шахту с тремя другими диверсантами. Методом исключения Лом-Али определил, что вместе со Шпигелем удалось уйти лейтенанту Фрицу Клюге и еще двум кавказцам: обер-ефрейтору и рядовому. Целью операции было соединение с мятежным отрядом Хасана Исраилова и проникновение в систему тоннелей внутри горы. Дальнейшие инструкции ему как обычному ефрейтору не давали, и всю картину операции знать было не положено. Неожиданно разговорчивый Лом-Али, утонувший в черном омуте ужасающего взора Самохвалова, особо обратил внимание, что в случае, если группе удастся соединиться с проводниками из местных и проникнуть в шахту, необходимо заминировать за собой все входы и, отойдя внутрь горы, осуществить подрыв. Самохвалов несколько раз переспросил чеченца насчет этого подрыва, явно сомневаясь в правильном изложении диверсантом секретной информации. Но, несмотря на наведенный на чеченца «морок», тот вполне ясно твердил одно и то же: «заминировать и подорвать входы».

– Ну что братцы, надо идти внутрь, иначе не успеем, – обреченно проговорил атаман.

– Да ты что, бать! Они ж нас на входе положат, как пить дать! – возразил ему Степаныч.

– Не положат, их уже давно нет здесь, они утопали вглубь. В общем, так, Степаныч, с тобой четверо. Берете пленного, Ваньку тоже заберите и топайте в точку, вас там встретят. Расскажешь все, как было. Мы с Колькой и Шичко пойдем за фрицами.

Колька посмотрел на угрюмого снайпера Володю Шичко, вообще никак не среагировавшего на такой поворот событий, и нервно закурил самокрутку. Ему очень не хотелось лезть в эти мрачные штольни, в которых не так давно исчезло четверо опытных диверсантов, имевших

очень странный, если не сказать больше – явно сумасшедший – приказ, который они, судя по всему, вот-вот должны были выполнить.

Попрощавшись с товарищами, трое казаков во главе с атаманом Самохваловым осторожно пошли к входу в штольню, соорудив самодельные факелы из кусков маскировочных халатов убитых фрицев, намотанных на палки и пропитанных найденным в рюкзаках у неприятелей керосином.

У самого входа атаман подал знак товарищам остановиться. Колька с Володей, несмотря на опасность задачи, ясно понимали, что атаман не бросит их просто так на верную смерть, и очень надеялись, что козырей в рукаве у батьки припасено немало. Что дальше стало происходить с Сергеем Харитоновичем, было по большей части неведомо для них. Точнее сказать, загадкой были внутренние процессы, которые начались у атамана. Тот, подойдя вплотную к входу, вдруг странно вытянул макушку вверх, опустил взгляд вниз, заметно присел, чуть расставив руки в стороны, развернул обе ладони, как бы намереваясь загрести что-то в охапку, и словно поплыл по направлению к зловещей темноте тоннеля. Губы атамана чуть заметно шевелились, бормоча какие-то непонятные слова то ли молитвы, то ли заговора. Через секунду от его тела в разные стороны пошла вполне осязаемая волна, похожая на дуновение теплого ветра. У товарищей атамана было ощущение, что его тело вдруг приобрело огромные размеры и заполнило все вокруг на десятки метров.

Когда силуэт Самохвалова полностью исчез во мраке, вслед за ним осторожно пошли Володя с Колькой, забросив ППШ и снайперский карабин за спину и держа в обеих руках пистолеты ТТ. Казаки не раз вживую наблюдали, как атаман входил в подобное состояние, начиная видеть и чувствовать даже те предметы и людей, которые были скрыты от взора. Володя, будучи снайпером, часто в одиночку пробиравшийся забавы ради в тыл противника подстрелить какого-нибудь важного фрица и навести шороху в рядах неприятеля, хоть и обладал отменной интуицией, не раз спасавшей ему жизнь в суровых переделках, но подобных навыков даже близко не имел. А вот молодой Колька унаследовал весьма хорошие задатки, при должном развитии которых, он вполне смог бы даже превзойти умения атамана. Мало того, что Колька мастерски мог навести «морок» на окружающих так, что те часто вообще забывали, кто они и что вокруг происходит, кроме этого он еще частенько, даже не взглянув в сторону врага, мог безошибочно определить его месторасположение, несмотря на то, что враг находился в нескольких верстах. Имевший весьма яркую внешность – высокий, чернявый, широкоплечий, с озорным взором и болтливый до ужаса – Колька не пропускал мимо ни одной юбки. Да и чего уж греха таить, эти самые юбки, отвечали ему взаимностью даже тогда, когда, казалось бы, окружающая обстановка ну никак не способствовала воспоминаниям о заложенном матушкой-природой основном инстинкте.

Так однажды в сентябре 1941 года Колька со Степаныхем, возвращаясь из вражеского тыла, забрели в захолустном городке в штаб какой-то дивизии, спешно эвакуируемый ввиду массированного отступления доблестной рабоче-крестьянской Красной армии. Офицеры штаба, понимая, что прорвавший оборону на данном участке фронта противник вот-вот окажется на пороге, в панике метались по зданию, пытаясь не забыть впопыхах секретную документацию. Во всей этой суматохе Колька вдруг заметил молоденькую смазливую радисточку с роскошной черной шевелюрой и весьма выразительной филейной частью фигуры. Зиночка, судя по заверению пьяного, а поэтому единственного никуда не спешившего в этом столпотворении усатого старшины, руководившего процессом погрузки секретной документации в грузовой ЗИС, оказалась «занятой» самим начальником штаба дивизии полковником Трухановым, а потому практически недостижимой для претензий остальных защитников Родины, свято чтивших воинский устав и соблюдавших субординацию. Но в виду того, что Колька помимо избыточных и с трудом сдерживаемых чувств к прекрасному полу имел еще и стойкую апатию к уставным взаимоотношениям, подчиняясь исключительно начальнику спец-

отряда НКВД Самохвалову, информация об имеющих место неуставных отношениях между красавицей-радишкой и начальником штаба никоим образом не смогла повлиять на пламенный порыв молодого казака.

Как и чем заморочил Колька голову прелестной брюнетке, история умалчивает, но менее чем через час взносившийся, словно смерч, полковник Труханов, в суматохе потерявший из виду объект своего натужного вздыхания, ворвался в запертую ленинскую комнату. Сказать, что от увиденного полковника хватил шок – это ничего не сказать. Его дорогую Зиночку на столе рядом с бюстом товарища Сталина, отчаянно любил, – кто бы мог подумать! – сам командир дивизии генерал-майор Кречетов, да еще и ехидно улыбаясь начштабу прямо в глаза. По крайней мере, именно такая картина представилась взору обомлевшего полковника с лицом цвета накрахмаленной простыни. «И это в такой вот ситуации – немец на пороге! А генерал-то, ведь он же вообще баб ненавидел. Да у него кроме усов и не стоит-то ничего еще с гражданской, он сам по пьяни сколько раз признавался. А Зинка, как она могла? Она ж ненавидела Кречетова!» – именно такая кавалькада мыслей разом обрушилась на воспаленный мозг горемычного начальника штаба. Полковник лишь сдавленно промычал: «Извиняюсь!» – и выпрыгнул из комнаты как ошпаренный.

Озорник Колька, закончив чесать похоть, вежливо удалился через окно, а сладострастную Зиночку в полном беспамятстве вынесли из кабинета вместе с бюстом товарища Сталина офицеры, последними покидавшие штаб. Мстительный начальник штаба впоследствии добился ее перевода в другую часть. А вот с генералом Кречетовым, ни о чем не подозревавшим, он более не пил, а обходился чисто уставными формальностями в отношениях, потому как настолько сильно ошибаться в людях орденосному полковнику Труханову до сих пор не доводилось.

Вот такими талантами обладал озорник Колька Косенко, осторожно пробиравшийся сквозь сырой мрак заброшенной штольни вслед за атаманом Самохваловым.

Пройдя ощупью метров двадцать от входа по наклонному сырому тоннелю, Володя с Колькой слышали шепот атамана, присевшего на корточки прямо перед разветвлением тоннеля:

– Ребят, здесь есть кто-то за углом. Он один и ранен. Кровь чуете?

– Не-а. Атаман, а мины где? – слышалось в ответ.

– Не успели они заминироваться. Наверняка он сам с взрывчаткой сидит. Ладно, приготовьтесь: по моей команде посветите фонариками вон на ту дальнюю стену, только не пугайтесь того, что там увидите. Не реагируйте никак.

– А он не взорвет себя? – Казаки, уже вполне привыкшие в темноте, вытащили карманные фонарики и приготовились.

– Не бойсь, ребята, не взорвет! – еле слышно промолвил атаман.

Через несколько секунд Самохвалов хлопнул по бедру Кольку, давая знак начинать. Густой сумрак штольни вдруг пронзили фонарные лучи, освещая дальнюю мрачную стену тоннеля, возле которой вдруг появился только что убитый во время заварухи фашистский диверсант. Вот только образ его был немного мутноватым и каким-то смазанным. Молодой художавый немец стоял и смотрел за угол туда, где, по мнению атамана, должен был находиться раненый диверсант в засаде.

Колька с Володей, увидев образ абверовца, просто обомлели. Несколько минут назад они своими руками резали его маскировочный халат себе на факелы, фриц был мертвее всех мертвых, а теперь вот стоит и смотрит куда-то в сторону – бред какой-то. Молодые казаки еле сдержали себя, чтобы не начать палить по этому призраку. А вот атаман Самохвалов, чьими силами и был организован этот мистический спектакль с фантомом убитого немца, вдруг резко выскочил вперед за угол и несколько раз выстрелил из пистолета в голову затаившегося в засаде

раненого диверсанта. Взору подошедших Кольки с Володей предстал труп молодого кавказца, лежащего на полу с кучей каких-то проводов в руках. Остекленевшие глаза абверовца так и остались смотреть на место, где несколько секунд назад в свете фонарей он увидел вдруг ожившего командира. Секундное замешательство горе-подрывника и позволило атаману не допустить соединения проводов детонатора.

Дальнейшие несколько сот метров передвижения по лабиринтам штольни заняли у казаков более часа времени. Проявляя осторожность, пластуны обследовали каждый закоулок и тоннель на наличие мин и растяжек. Штольня имела постоянный уклон вниз и, судя по всему, уходила на многие сотни метров вглубь горы. Неожиданно в отдаленном коридоре в свете факелов Самохвалов вдруг увидел зияющую дыру провалившегося пола, возле которой на мокрой земле были видны отчетливые следы сапог и профессионально закрепленный альпинистский страховочный трос. Посветив факелом в темноту, казаки не смогли оценить глубину провала – дна видно не было. Эхо от удара брошенного камушка вернулось через несколько секунд, что говорило о весьма приличной глубине колодца.

– Ну что, рискнем? – спросил младших товарищей атаман.

– Давай я первым пойду, – сходу вызвался Колька, спешно облачавшийся в альпинистское снаряжение и на всякий пожарный закрепивший другой трос рядом.

Минут через пять атаман с Володей увидели слабый мигающий луч фонарика внизу – Колька давал знак, что можно спускаться.

Оказавшись на самом дне огромной пещеры, казаки принялись обследовать местность на предмет удравших фрицев, но никаких признаков жизни в окружающем пространстве не угадывалось. И лишь только запалив факелы, казаки поняли, что находятся не в природной пещере, а огромном зале с идеально гладкими гранитными полом и стенами, уходящими на десятки метров вверх так, что и потолка не было видно.

– Бать, это чо такое? Где мы? – пробубнил ошарашенный Колька.

– Я откуда знаю! – отозвался не менее удивленный атаман. – У компаса вон стрелка по кругу вращается.

– Да тут не по себе как-то, – прохрипел еле держащийся на ногах Володя, – тошнит что-то.

Пройдя еще несколько десятков метров, казаки поняли, что полностью оценить размеры гигантского помещения они не смогут, только ширину – около сотни метров. В мерцающем свете факелов на полу вдруг показался огромный, более двадцати метров в диаметре, металлический круг с барельефом из каких-то непонятных геометрических узоров. Металл был похож на давно окисленную бронзу, да только вот нож не оставлял ни малейшей царапины на нем, как ни усердствовал любопытный Колька. А впереди показалась стена с идеально круглым тоннелем в ней, в который запросто мог пройти железнодорожный состав. Неожиданно Володя упал на колени, его нещадно тошнило.

– Атаман, он дальше не пойдет, ему совсем плохо, – сказал Колька, взваливающий на спину боевого товарища.

– Давай двигай к месту спуска, лезь наверх, а я его обвяжу и вытянем вдвоем.

Казакам кое-как удалось вытянуть Володю. Колька дотащил его до выхода из штольни на свежий воздух и стал приводить в чувство. Самохвалов, поняв, что никакой опасности для жизни товарища нет, сказал:

– Коль, я пошел обратно, организуйте засаду и сидите молча. В бой ни с кем не вступайте. Если через сутки не приду, то уходите.

Атаман обнял Володю с Колькой на прощание и больше не вернулся – ни через сутки, ни через трое. Возвратившиеся на четвертый день после данных событий казаки обнаружили все входы в заброшенные штольни взорванными.

К месту постоянной дислокации спецотряд НКВД под руководством старшего лейтенанта госбезопасности Самохвалова не вернулся. Есть сведения, что оставшиеся в живых казаки ушли на оккупированную немцем территорию в свой родной хутор. В октябре 1942 года в оккупированном Новочеркасске прошел казачий сход и началась организация казачьих формирований в составе вермахта. Как известно, никто из «самохваловских» к немцам служить не пошел. Сколько ни пытались чекисты их отыскать, это им не удалось сделать ни в 1943 году после освобождения Кубани, ни в апреле 1945 года, когда в Австрии были взяты в плен ушедшие с семьями вместе с отступающими немцами более двадцати тысяч казаков. «Самохваловские» казачки словно испарились.

– Такие вот дела, ребята, – сказал Семёныч, закончив это длинное повествование о временах более чем полувековой давности. – Давайте ложиться спать, а то уже светает.

– Андрей Семёнович, прошу прощения, но откуда такие подробности вам известны стали, если казачки пропали, а атаман сгинул в штольне? – спросил Альберт, сильно впечатленный живописным монологом рассказчика.

– Ну, на самом деле, все намного запутаннее и сложнее. Мне же удалось лично познакомиться с участником всех этих событий. Скоро и вы все его увидите. А теперь спать!

Глава 7. Гость из прошлого

Опорожнив последнюю бутылку коньяка, гости ведомственной конспиративной дачи в подмосковном Переделкино разбрелись по комнатам спать. Подъем был назначен на шесть утра, поэтому для действующих и отставных разведчиков оставалось не более двух часов на сон, что было делом вполне обыденным для боевой обстановки, некое подобие которой так неожиданно сложилось за прошедшие сутки. Даже Семёныч, который, будучи на пенсии, мог позволить себе спать сколько душе угодно, по старой привычке всегда вставал в шесть утра, причем вне всякой зависимости от того, во сколько ему посчастливилось лечь. Про Альберта же и вообще говорить не приходилось, так как «чистильщик» за последние два десятка лет существовал в каком-то особом режиме сна и бодрствования: он мог выключаться практически моментально на нужное ему количество времени и просыпаться без будильника полностью отдохнувшим и готовым к выполнению поставленной задачи. В любом случае более четырех часов подряд он не спал ни при каких обстоятельствах.

Единственный, кому из этой четверки не удалось сразу уснуть, был командир диверсионного спецназа подполковник Волостных. После рассказов Семёныча из головы почему-то не уходили мысли обо всей этой чертовщине, которая теперь коснулась и его подчиненных.

Офицер долго крутился с боку на бок, а когда, наконец-то, выпитый алкоголь под аккомпанемент осеннего ливня за окном все же начал свое расслабляющее действие на нервную систему, подполковник вдруг вскочил с кровати. Очертания комнаты, несмотря на темную осеннюю ночь, были видны. Спецназовец подошел к окну, и в этот момент боковое зрение уловило чье-то присутствие в комнате. Подполковник медленно обернулся через левое плечо, и от увиденного у него вдруг все похолодело внутри: в темном углу комнаты был виден четкий силуэт высокого крепкого человека, будто обведенный фосфорной краской. Только вот цвет этой краски был еще более темный, чем все оттенки, различимые в комнате. Но самым зловещим было то, что на фоне чернеющего силуэта бросался в глаза холодный давящий взгляд, словно ледяной иглой пронизывающий пространство комнаты. В голове спецназовца вдруг возник четкий и ясный голос. Причем подполковник Волостных вполне осознавал, что голос он слышит не ушами, а скорее улавливает передаваемую ему информацию, источником которой, без сомнения, был этот зловещий черный силуэт в углу. В мозгу словно звучал динамик, который нельзя было ни выключить, ни заткнуть уши, чтобы не слышать его. Голос повторял один и тот же набор цифр много раз подряд. Подполковник находился в шоковом состоянии и параличе одновременно, не в силах пошевелить ни языком, ни конечностями, а в горле комом застыл сдавленный возглас. Простояв так пару секунд, которые спецназовцу показались вечностью, его вдруг что-то резко развернуло вокруг своей оси, потом сознание на миг померкло, а через секунду офицер с воплем, наконец-то вырвавшемся из пересохшего горла, вскочил со своей кровати.

– Это был сон. Ф-у-ууух, это сон! – пробубнил перепуганный офицер, щелкнув выключателем ночника на тумбочке.

– Ну как сказать, как сказать, – вдруг из проема двери раздался знакомый голос входящего в комнату Семёныча. – Это не совсем сон, Миша, это уже осознанный сон. Не волнуйся, все в порядке!

– Андрей Семёнович, здесь, то есть, во сне здесь кто-то был только что!

– Я знаю. Меня больше интересует, что тебе сказал этот кто-то? Ты запомнил?

Спецназовец схватил с тумбочки блокнот с ручкой и принялся быстро писать цифры, которые, судя по ощущениям, он запомнит, наверное, на всю оставшуюся жизнь.

– Обижаете, Андрей Семёнович! Я топографическую карту района запоминаю за несколько минут, а десяток цифр для меня ерунда! Так кто это был?

– Я же обещал, вас кое с кем познакомить! – как ни в чем не бывало ответил старый разведчик. – Вот он и пришел в гости. Ну а то, что не через парадную дверь – уж извините!

В это время в комнату вошли Альберт и полковник Скороспелый, проснувшиеся от крика Михаила.

– Что за шутки, Андрей Семёнович. Кто здесь мог быть? – удивился Альберт, причесывая взъерошенную рыжую шевелюру.

– Сам атаман Самохвалов собственной персоной, – чуть призадумавшись, промолвил Семёныч. – Он не только с Мишей так познакомиться решил. Я сам осенью 1992 года чуть инфаркт не получил от такой встречи.

– Я не пойму, это что, был призрак?

– Так это смотря что считать призраком, Миша. Если объяснять доступным языком, то во время полусна ты находился на другой частоте восприятия реальности и смог увидеть собственные именно этой частоте явления и объекты.

– Так ведь все же было как вживую, да и страх я испытывал именно телесно!

– Правильно, так и тел у нас помимо физического еще шесть, если, конечно, верить до конца восточным учениям. И именно при выходе тонкоматериального тела из физического, нам открывается доступ в иную реальность.

– Ну и дела, Андрей Семёнович! А что нужно-то ему было, и что теперь нам делать? – спросил совсем обескураженный спецназовец.

– Судя по всему, ситуация с упавшим самолетом, наделавшая столько шума по всем силовым ведомствам, явно вышла из-под контроля.

Семёныч пытался понять, что мог означать набор цифр на клочке бумаги, записанный спецназовцем, затем продолжил:

– Я связался сейчас кое с кем. Скоро все прояснится, надеюсь. А теперь у меня к вам, товарищи, большая личная просьба. Объясню всё потом. Илья Григорьевич, ты поезжай к себе в «Аквариум», постарайся разузнать, что там за последние сутки по твоему самолету нарыли. Ты, Миш, срочно двигай обратно в Ханкалу в расположение отряда, собери группу человек десять-двенадцать бойцов. Будет нужна ваша поддержка в скором времени. Инструкции будут позже. А нас с Альбертом подбросьте до метро.

– Ну ладно, как скажете. Надеюсь, потом объясните, – пробурчал себе под нос начальник диверсионного управления ГРУ полковник Скороспелый Илья Григорьевич и вместе с шофером и командиром спецназа Волостных вышел во двор к машине.

Оставшись наедине с ветераном разведки рыжеволосый Альберт, старый проверенный боевой товарищ и единственный из всей компании общавшийся с Семёнычем на «ты», не выдержал:

– Ну, мне ты объяснишь, что тут происходит?

– Это координаты, Альберт, координаты, только вот не пойму чьи, – ответил Семёныч, не отводя взгляда от загадочного набора цифр на клочке бумаги. – У меня самого только сейчас сложилась в голове более-менее ясная картина. Вчера утром специальный эфэсбэшный отдел, контролирующий все сверхсекретные объекты страны и подконтрольных государств, испугавшись, что на территории временно вышедшей из-под неусыпного контроля Чеченской Республики кто-то проникнет на спецобъект, подняли в воздух самолеты. Но это не только не помогло, но и привело к потере одного из штурмовиков. Своих подразделений у них в этом районе не было. Вот и решили использовать гэрэушных спецназеров для зачистки местности. Приказ шел от самого начальника Генштаба. Как только наверху поняли, что кроме трупов вокруг пещеры никого обнаружить не удалось, а отряд утратил боеспособность, сразу начали возвращать всех назад. Сдается мне, что проморгали чекисты того, кто пробрался внутрь системы. Ваххабитский отряд был простым прикрытием, они просто провели кого-то к входу, и этому кому-то удалось попасть внутрь, иначе Самохвалов бы не пожаловал в гости.

– Семёныч, ты за последние сутки столько загадок нагородил, что если б не покушение на твою скромную персону, я б подумал, что у тебя уже паранойя развилась на фоне грустных пенсионных будней, отягченных воспоминаниями о былом! – усмехнулся Альберт.

– А вот ты не юродствуй, Альбертик! Я тебя сегодня с одним человеком познакомлю, который и передал мне архивные материалы про все эти объекты еще в 1992 году. Мои сказки тебе покажутся детским лепетом.

– Да ты уж познакомил Мишу кое с кем! Он чуть не поседел.

– Отставить разговорчики! Давай на выход. Поехали, впереди насыщенный день.

Черная «Волга» начальника 8-го управления ГРУ полковника Скороспелого ненадолго притормозила в районе небольшого банка в центре столицы и резко сорвалась с места, слившись с нескончаемым автомобильным потоком.

Вышедшие на тротуар двое мужчин, одетых в серые плащи, раскрыли зонты и бодрым шагом направились к входу в метро. Семёныч с Альбертом быстро смешались с толпой спешащих на работу жителей столицы и исчезли в бескрайних лабиринтах московской подземки, сев в разные вагоны, а затем выйдя на разных станциях. Подобную тактику передвижения по столице опытные разведчики выбрали с одной единственной целью – отсечь возможные «хвосты». Альберт вышел через две станции позже своего спутника и, поймав такси, поехал по указанному Семёнычем адресу.

Такси въехало во двор желтой пятиэтажной «сталинки». Во дворе располагалось неприметное двухэтажное здание еще дореволюционной постройки, окруженное кованым забором. Картину ветхой старины строения нарушали только необычного вида пластиковые окна, которые, судя по отсутствию форточек и фрамуг, были бронированные. Альберт вышел из такси, поднял высокий воротник плаща и только решил расположиться на лавочке под раскидистой липой, как услышал тихий голос Семёныча, стоявшего у калитки забора и приглашавшего пройти внутрь.

Войдя в здание, Альберт ничуть не ошибся: при внешней ветхости строения, внутри оно представляло собой настоящую цитадель, а внешняя старинная резная дверь из потрескавшейся древесины была обычной ширмой от любопытных глаз, так как через пару шагов вход закрывала тяжеленная бронированная дверь. На секунду остановившись перед всевидящим оком глазка видеокamеры, гости прошли в светлый коридор, в конце которого стоял и широко улыбался человек среднего роста и неопределенного возраста. Если бы Альберта в гэрэушной «учебке» попросили бы описать приметы этого человека, то описание было бы предельно скучным даже для составления нормальной рабочей ориентировки: средний рост, среднее телосложение, аккуратная прическа, правильные черты лица, открытая улыбка с ровными красивыми зубами. «Только вот неясно, сколько лет этому радушному хозяину? – сразу же в голове Альберта молнией промелькнула мысль. – Ведь можно дать как сорок, так и шестьдесят, если взглянуть в глаза». Не успел Альберт определиться, какому варианту отдать предпочтение, как хозяин жестом пригласил их пройти в помещение, полностью заставленное комнатными растениями. Гости вошли и расположились на мягких слегка затертых резных стульях.

– Ну, давайте знакомиться, вы, наверное, Альберт? – все также искренне улыбаясь, спросил хозяин кабинета у высокого пятидесятилетнего красавца скандинавской наружности, ярко-рыжую шевелюру которого осенний ветер превратил в подобие застывшей огненной вспышки.

– Вы прекрасно информированы о моей скромной персоне!

– Ну, может и не настолько, как хотелось бы, но Андрей Семёнович рассказал немного. Александр Иванович.

Хозяин кабинета протянул руку Альберту, а когда тот пожал ее, то на пару секунд их глаза встретились и взгляд Альберта как бы остекленел и расфокусировался. Рукопожатие затянулось секунд на десять, не меньше. А позже, опустившись на стул, Альберт начал осознавать, что

его хваленая способность противостоять различного рода гипнотическому влиянию, видимо, в этот раз дала осечку.

– Все в порядке? – хозяин кабинета посмотрел на приходящего в себя Альберта, похожего на боксера после состояния грогги.

– Я прошу прощения, конечно, но без этого, увы, не обойтись! – извиняющимся тоном сказал хозяин кабинета и посмотрел на улыбающегося Семёныча.

– Да уж, вот это приход! На гашиш чем-то похоже, – засмеялся весельчак Альберт. – И что же это было, извиняюсь. Как вас?..

– Ах да, Александр Иванович меня, – не вовремя я представился! – сказал сквозь смех хозяин кабинета. – Мне просто нужно было вас прочесть, мой дорогой друг. Уж очень у нас специфические цели знакомства. Кстати, голова скоро пройдет. Просто мне нужно знать все про своего собеседника.

– Ого! И много удалось узнать? – Альберт с удивлением обнаружил, что временное помутнение отступило, а голова стала ясной и светлой.

– Да что вы, только самое необходимое! Все в порядке. Теперь, думаю, можно и поговорить о деле. Андрей Семёнович обо мне, наверное, вам вряд ли рассказывал?

– Ну, о вас точно ни слова! – Альберт, прищурясь, посмотрел на сохраняющего глумливое молчание ветерана разведки.

– Да, Альбертик, про Александра Ивановича, я не рассказывал. – Вкратце можно сказать, что когда я вышел в отставку и начал рыться в архивах, пытаюсь найти интересующие меня материалы про афганские горы, попутно напрягая всех своих знакомых, имеющих хоть какую-то информацию для розыска Борьки Власенко, то наткнулся на никому не интересные на тот момент и плохо изученные архивы организации «Аненербе». Вот тут-то мы и встретились. Точнее, Александр Иванович сам вышел на меня. Оказывается, к моменту нашей с ним первой встречи он был отлично осведомлен обо всех моих приключениях во время службы.

– Ну, это не удивительно! – воскликнул хозяин кабинета. – Когда офицер, про интуицию и проницательность которого ходят легенды в узких кругах, начинает совать нос в один из самых секретных разделов гостайны, то такого человека нужно или устранить, или держать на коротком поводке. Пришлось знакомиться к нашему общему счастью.

– Да уж, а то я уже смотрел бы на прохожих с черно-белой фотокарточки на мраморном надгробье где-нибудь на Новодевичьем кладбище! – усмехнулся Семёныч.

– Да что ты, Андрюш, Господь с тобой, это же не наши методы! Это у вас в разведке чуть что не так, сразу лифт обрывается или трамвай по тротуарам за пешеходами гоняется. А у нас – один телефонный звонок, и ты бы больше никогда не вспомнил ни про какие архивы и горы, – Александр Иванович расплылся в довольной улыбке.

– Ну, спасибо, за столь гуманистический подход к советскому пенсионеру! – съехидничал старый разведчик. – Альбертик, наш Александр Иванович как раз и представляет ту самую организацию, которая призвана обеспечивать недоступность определенного рода секретной информации не только для любопытных искателей всего неизвестного, но и представителей спецслужб и даже руководителей страны. Да, да, ты не ослышался. Это надгосударственное образование. Люди в органах власти и спецслужбах приходят и уходят, предаются и продаются. Попадет к ненадежному человеку определенная информация, и он может таких дел натворить. Весь мир в труху!

– Вот мы и следим, чтобы если и попадала власть имущим нужная информация, то только дозировано и соответствующе времени и обстановке, – подтвердил слова Семёныча новый знакомый Альберта.

– Так, а моя персона чем заслужила столь большое доверие, что вы меня посвящаете в эти тайны?

– Ну, во-первых, Альберт, ты человек проверенный, профессионал и по гроб жизни под подпиской о неразглашении, а, во-вторых, близкий друг Семёныча, да и я тебя уже «проверил», – снова усмехнулся хозяин кабинета. – А раз уж ситуация так сложилась, что история с пропажей злополучного самолета коснулась и вас, то в игру, можно сказать, вы с Семёнычем уже вступили.

– Александр Иванович, а вы, простите, к какому ведомству принадлежите?

– Ну, если формально, то к центральному аппарату ФСБ, – отсюда удобнее контролировать.

– Так это от вашей организации исходил приказ на авиационный удар по боевикам?

– От нашей, от кого же еще.

– Что ж, теперь-то у меня все догадки подтвердились, – сказал Семёныч. – А кто и зачем покушался на меня вчера? После звонка Скороспелого и приглашения в ГРУ сразу на его счет грешить начал, тебе дозвониться не смог.

– Я сам вчера был занят, да и сейчас дел не убавилось. А вас пригласил сюда именно потому, что ситуация начала выходить из-под контроля. Ты, Семёныч, заигрался со своими поисками секретных архивов гитлеровской «Аненербе». Тебя начали пасти еще с середины девяностых годов. Нам удалось обезвредить кое-кого из интересующихся твоей персоной, но выудить стоящую информацию или перевербовать кого-либо из них нам не удалось – уж очень мелкие сошки это были. Допуска к чему-то важному они вообще не имели: так подсмотреть, подслушать, доложить, или вот как тебя – тягачом переехать.

– Я, значит, у вас как живец был? – искренне удивился Семёныч. – Вот и ветеран разведки получается. Сам, как приманка, десяток лет болтался.

– Ну, ты уж скажешь, приманка! Просто мы наблюдали, кто интересуется несметным багажом научного наследия Третьего рейха, а потом уже начали наблюдать за теми, кто интересовался тобой. Вот вчера, судя по всему, кое-кто очень испугался, что ГРУ начнет тормозить тебя по поводу твоих обширных знаний по специфическим темам, и решил, что тебе на том свете будет несколько удобнее. Пора, мол, уже туда старику! – снова рассмеялся хозяин кабинета.

– Нашел старика! Да я тебя на три года младше! – выпалил обиженный Семёныч.

– Что? Вам уже за семьдесят? – сорвалось с языка у Альберта, искренне надеявшегося, что Семёныч пошутил.

– Ну, если верить справке о рождении, то да. Но я все еще действующий полковник госбезопасности! Или у кого-то есть сомнения?

Альберт в ответ просто удивленно улыбнулся.

– Так, друзья, – продолжил хозяин кабинета, – всего не расскажешь сразу. Да и информацией можно запросто отравиться, как обильной пищей после голодовки. Поэтому то, что пока следовало вам знать – вы уже знаете. А теперь приступим к делу.

Семёныч в подробностях рассказал о том, что произошло на даче, и протянул загадочному полковнику листок бумаги с цифрами, переданными атаманом.

– А, к вам уже атаман наведлся в гости?! Видать ситуация вообще труба, раз «там» уже беспокоиться начали.

– Простите, Александр Иванович, а где это «там»? – поинтересовался Альберт.

– Если тебе просто объяснить, то это как бы параллельно нам. Или по ту сторону зеркала.

– Не, ну так бы сразу и сказали, а то загадками все, загадками! Вот теперь все понятно! – съязвил Альберт над столь красочным и подробным описанием параллельной реальности в исполнении полковника.

– Долго объяснять, друзья. Ситуация и вправду намного сложнее и опаснее, чем могло показаться на первый взгляд. Если и Самохвалов пришел, значит, было проникновение в одни из Врат.

– За подробностями, наверное, сейчас обращаться не стоит? – понимающим тоном спросил Семёныч.

– Ты прав. И теперь прошу оказать мне посильную помощь. Нам всем нужно будет лететь сегодня в Чечню. Семёныч, ты Скороспелого и Волостных попросил, чтобы они были наготове?

– Попросил, но они же не мне подчиняются, поэтому тут как получится. Александр Иванович, а нам-то с Альбертом что в Чечне делать? – удивился Семёныч.

– Мне помогать. Судя по докладу спецназовцев, искавших вчера самолет в горах Чечни, один из пленных пограничников выжил и был доставлен в военный госпиталь в Ханкалу. Мне его срочно нужно будет расспросить о том, кого ему довелось увидеть в отряде Расула Исмаилова. А специально для тебя, Семёныч, вот на этот компьютер закачали весь оцифрованный архив «Аненербе», касающийся пещер и горных систем. Ты в нем неплохо ориентируешься. И поэтому никто, кроме тебя не сможет мне быстро найти нужную информацию по интересующим вопросам. Да и одного человека необходимо будет отыскать в горном ауле и расспросить кое о чем, этим займешься как раз ты, Альберт.

– Ну, надо, так надо, – блеснул глазами «чистильщик» в предчувствии интересного времяпрепровождения в охваченной боевыми действиями южной республике. – Я, как пионер, всегда готов!

Глава 8. Под тремя завесами

3

14 час. 20 мин., 29 сентября 2001 года, Ханкала, Чеченская Республика, Объединенный штаб группировки Северо-Кавказского военного округа.

Подполковник Волостных, только что прибывший с аэродрома к месторасположению своего отряда и вымокший до нитки под проливным сентябрьским дождем, стоял под козырьком у входа в двухэтажное штабное здание и пытался закурить. Серые пейзажи осенней Чечни совсем не радовали взор, несколько дней до этого услаждавшийся картинами золотой осени в столице с ее вечно спешащими жителями, роскошными иномарками и обворожительными красотками на улицах. Намокшие спички напрочь отказывались разродиться хоть малейшей искоркой, из-за чего монотонный шум дождя периодически разбавлялся матерными репликами по поводу потерянной зажигалки и всеобщей несправедливости бытия. Сказывались стресс и накопившаяся усталость за последние несколько практически бессонных суток.

В этот момент к зданию, рассекая, словно крейсер, огромную лужу, подкатил армейский уазик. Из него выскочили три человека в затертых стареньких камуфляжах без знаков отличий со здоровенными баулами в руках. Картина десантирования офицеров больше смахивала на высадку союзных войск на побережье Нормандии в 1944 году, и это хоть немного позабавило пригорюнившегося командира особого отряда спецназначения ГРУВ. Выбросив неприкуренную сигарету, подполковник поздоровался с Семёнычем и Альбертом и протянул руку незнакомому доселе человеку.

– Полковник Субботин Александр Иванович, – представился командиру спецназа широко улыбнувшийся военный без определенного возраста.

Альберт с Семёнычем с интересом наблюдали за сценой рукопожатия офицеров, но, как ни странно, ничего интригующего не произошло, и все дружно прошли по коридору в дальнюю комнату с табличкой «Спецсвязь». Переодевшись в сухую камуфляжную форму, офицеры начали обсуждать самый животрепещущий вопрос последних дней.

Не вдаваясь в подробности по поводу личности Александра Ивановича, Семёныч в общих чертах обрисовал картину предстоящих действий подполковнику.

– Миш, нам сейчас нужно будет переговорить с твоими подчиненными из группы капитана Куренного и со спасенным пограничником. Если можно, приглашай их к нам в кабинет

³ В кабале нефеш, руах, нешама-покровы души человека.

по одному. – Семёныч посмотрел на Александра Ивановича, который чуть заметно кивнул, а затем добавил: – Миша, ты поприсутствуй, тебе нужно быть в курсе всего. Вам ведь сам начальник ГРУ генерал Трофимов приказал негласно продолжить поиски пропавшего штурмовика, так вот мы и поможем в этом запутанном деле.

– Не вопрос, сейчас все организуем, – с улыбкой произнес командир спецназа, сам не осознавая того, отчего у него вдруг улучшилось настроение и появились силы. – Сейчас отдам приказ, а пока чайку организую.

Когда подполковник вышел из комнаты, Альберт с ехидной улыбкой, не удержавшись, спросил:

– Александр Иванович, а вы что же не стали «читать» командира спецназеров?

– А мы, Альберт, с ним отлично знакомы! Только он не помнит наших с ним встреч, – ответил загадочный собеседник, вызвав плохо скрываемое недоумение у разведчиков.

– Вам расскажу, только без передачи. Их отряд изначально ведь создавался в недрах ГРУ для очень деликатных операций, весь масштаб и значимость которых для его членов были, как правило, скрыты. Выполняемые задачи требовали от бойцов поистине колоссального напряжения и физического, и психического. Так вот, чтобы у бойцов нормально происходило восстановление психофизического ресурса, их регулярно отправляют в специальный медицинский центр, где они проходят особую восстановительную терапию. Помимо этого, с помощью специальной аппаратуры и бесед со специалистами удается с большой долей вероятности прогнозировать возможность успешного выполнения той или иной операции конкретным военнослужащим. Но приборы они и есть приборы: определенные параметры психики они фиксируют, но вот чтобы пробраться в глубины подсознания и выведать самое потаенное в человеке их недостаточно.

– Тут, смею предположить, как раз и вмешиваетесь вы, – подытожил Альберт.

– Да, я и несколько моих коллег, так сказать, курируем вопросы душевной чистоты и беззаветной преданности Родине, причем не только у сотрудников спецподразделений подобного уровня.

Улыбка Александра Ивановича не оставила ни малейшего желания продолжать расспросы по такой деликатной теме у обескураженных слушателей.

Принесенный подполковником Волостных чай с печеньями оказался очень кстати и немного скрасил промозглый осенний день. Как раз в разгар чаепития в дверь постучали.

– Разрешите?! Товарищ, подполковник, капитан Куренной по вашему приказанию...

– Заходи, Глеб! – не дав окончить вошедшему офицеру набившую оскомину уставную реплику, подполковник Волостных представил подчиненного присутствующим офицерам, пригласил капитана присесть за стол и налил ему чаю. Задав несколько формальных вопросов о самочувствии бойцов разведгруппы и общем моральном духе в подразделении, командир предоставил слово Александру Ивановичу, который, несмотря на ожидания Альберта, начал просто и незамысловато расспрашивать молодого спецназовца о прошедших событиях.

После того, как уже восьмой из опрошенных бойцов покинул кабинет, загадочный полковник попросил пригласить освобожденного из плена пограничника. Выслушав в общих чертах уже всем известную историю перепуганного и перемазанного зеленкой еле живого солдата-срочника, Александр Иванович почему-то очень подробно расспрашивал про чеченского мальчишку-проводника, пугавшего моджахедов запретами деда по поводу прохода в пещеру. Солдат рассказал, что паренек был из местных, из какого-то маленького высокогорного аула недалеко от грузинской границы. Александр Иванович то поднимался со стула и ходил по комнате, то подходил к окну и постукивал пальцами по глиняным плоскам на подоконнике с давно завядшими цветами. В общем, всем своим видом показывал скуку и незаинтересованность поступающей информацией.

Приунывшие офицеры, не ожидавшие более никаких интересных подробностей, вдруг оживились при виде следующей картины. Александр Иванович, неспешно попивавший чай из граненого стакана в древнем советском подстаканнике, судя по всему, прихваченному из поезда кем-то из офицеров снабжения группировки, вдруг резко подошел к сидевшему за столом пограничнику и, обхватив его голову руками, пристально уставился тому в глаза. Солдат, не успев издать не единого звука, обмяк, его глаза остекленели, а руки повисли, словно плети. Такое ощущение, что отпусти Александр Иванович его голову, тот просто стечет со стула, как воск с зажженной свечи. Замерев в таком необычном положении секунд на двадцать, полковник отпустил голову солдата, погладил его по стриженной голове, сплюшь и рядом залепленной пластырем, и провел рукой по глазам, словно покойнику. Солдатик опустил подбородок на грудь, а через несколько секунд вдруг начал трясти головой и открыл глаза.

– Ой, извините, что-то голова... – начал мямлить пришедший в себя пограничник.

– Да ничего-ничего, ты не волнуйся, такой стресс пережил, в плену побывал, иди отдыхай, – заботливым голосом успокоил солдата Александр Иванович и проводил того к двери, по-отечески положив руки на плечи.

Развернувшись к собравшимся, загадочный полковник процедил:

– Ну что же, товарищи офицеры, худшие опасения сбылись. В гору вошел сам Гюнтер фон Гроссхейм, он же полковник Джейсон Гудридж, он же обер-лейтенант спецотряда «Бергманн» Клаус Шпигель.

– Что-о-о!? – пока остальные офицеры пытались припомнить хоть какую-то из названных фамилий, Семёныч чуть было не потерял дар речи, услышав последнее имя.

– Да кто это? Вы о ком? – спохватился командир спецназа Волостных.

– А помнишь, Миш, я вам тут на днях рассказывал про фашистов, которым удалось проваться в штольню горы после боя с отрядом атамана Самохвалова? – сказал Семёныч взволнованным голосом.

– Ну да, помню, но причем тут это? Это ж когда было!

Все присутствующие недоуменно посмотрели на Александра Ивановича, на лице которого читалась предельная собранность и настороженность вместо привычной улыбки. Загадочный полковник неспешно открыл одну из своих папок и бросил на стол несколько черно-белых фотографий, на которых как будто нарочито был то ли смазан, то ли слегка засвечен силуэт худощавого светловолосого мужчины лет сорока-сорока пяти. Он был то в форме офицера СС в окружении высших чинов вермахта, то в маскировочном халате со снайперской винтовкой в тренировочном лагере абвера, то уже в американском пустынном камуфляже где-то в горной местности.

– Все верно, Михаил, было это давным-давно. Но человек на снимках один и тот же. Информации о нем очень мало. А вот почему на фотографиях такой странный дефект – так это до сих пор загадка. У меня есть свое объяснение этого феномена, но, думаю, оно вас вряд ли устроит.

– И все же, если можно подробнее, – прервал молчание Альберт, которого не на шутку заинтриговала складывающаяся в последние дни ситуация. Уж больно соскучился отставной «чистильщик» по горячащим кровь событиям. А тут еще оказалось и мистики всякой немало примешано.

– Так подробностей как раз и немного. В трофейных архивах «Аненербе», вывезенных с территории Германии, удалось кое-что нарыть. А именно, мы нашли довольно странные подписи и резолюции на самых засекреченных документах, содержащих информацию по образцам оружия массового поражения. Имя штандартенфюрера СС Гюнтера фон Гроссхейма изредка всплывало еще несколько раз в переписках высших чинов СС, касавшихся исследований института и экспедиций в различные горные районы Евразии и Южной Америки. Как раз вот на этой фотографии руководство «Аненербе» вместе с ним демонстрирует какой-то

загадочный документ Гимлеру и Борману. А на другом фото уже в гражданском костюме запечатлен тот же человек рядом с Герингом, причем он весьма вольготно сидит рядом с рейхс-маршалом за обеденным столом. А вот уже снимок времен афганской войны, 1983 год, горы Гиндукуш, провинция Бадахшан – на нем все тот же человек, хотя его лица также досконально не видно. Александр Иванович перевел взгляд на внезапно напрягшегося Семёныча, который буквально сверлил фотографию глазами.

– Андрей Семёнович, это именно та фотография, о которой я тебе говорил на одной из наших первых встреч. Снимок сделан через месяц после исчезновения разведгруппы Бориса Власенко и за день до того, как прогремел взрыв в недрах гиндукушских гор, отправив маленькую деревеньку вместе с последними свидетелями в небытие. Примерно за неделю до тех событий этот человек появился с группой американского спецназа, пройдя через высокогорные районы Гиндукуша из Пакистана. Зачем надо было идти на такой риск и во что бы то ни стало пробираться в совершенно неинтересный со стратегической точки зрения район, до сих пор не ясно. Впрочем, объяснение напрашивается само: он узнал о проникновении в горные лабиринты Гиндукуша советского спецназа и предпринял попытку стереть всю возможную информацию вместе с носителями. По агентурным данным звали того незнакомца полковник Джейсон Гудридж.

– Я что-то не понимаю, но ведь сорок лет прошло между событиями в Германии и Афгане! А здесь одно и то же лицо. Он же должен быть дряхлым стариком, – недоумевал Волостных.

– Я вам более того скажу, он и сегодня такой же! – обезоруживающе поведал Александр Иванович.

– Чертовщина какая-то! – промолвил Альберт и поглядел на бледного, с поджатыми губами Семёныча, не отрывающего взгляда от черно-белой фотографии.

– Александр Иванович, вы уж извините, но я что-то не совсем понимаю. Почему вы думаете, что человек на фото и тот, кого видел перепуганный пограничник, одно лицо? – разродился вопросом командир спецназа Волостных, у которого, судя по выражению лица, уже давно начала под тормаживать оперативная память, как у компьютера, которому сразу задали много непосильных задач.

Ответа на вопрос с нетерпением ждали все присутствующие в комнате офицеры, так как количество необъяснимых, даже для сотрудников спецслужб, событий за последние несколько суток просто зашкаливало.

– Как вам покороче и понятнее объяснить это, я, признаться, не знаю, – начал Александр Иванович и налил себе очередной стакан горячего чая. – Я просто считал с парня то, что ему довелось видеть.

– Это что же, для вас все равно, что видеоролик посмотреть? – выпалил Альберт.

– Видите ли, друзья, мозг человека – это вовсе не хранилище данных, как жесткий диск у компьютера, это скорее больше смахивает на приемник информации из окружающей среды. И человек волевым усилием сам настраивает себя на нужную частоту восприятия. У кого-то диапазон приема шире, у кого-то уже, а у кого-то еще есть и усилители сигнала. В последнем случае мы говорим уже сверхчувственном восприятии. А в так называемом энергоинформационном поле земли, как на компьютерном сервере, хранится вся информация обо всем, что произошло и чему надлежит произойти в нашей реальности. И все те события, участником или зрителем которых кому-либо довелось побывать, навечно оставляют в глубинах подсознания человека, если можно так выразиться, частоту настройки, через которую можно воспроизвести данные события. В нашем конкретном случае, пограничник в состоянии транса представлял собой включенный компьютер с разблокированным паролем и свободным доступом для системного администратора ко всем имеющимся в памяти файлам.

– А лицо это Гудриджа-Гроссхейма вам удалось разглядеть в глазах у погранца? – слегка глумливо поинтересовался Альберт. – И, вообще, долго вы всему этому учились?

– Разглядеть удалось, но не совсем то, что причудилось солдатику. Я видел истинное лицо этого человека. Хотя отнести его к роду человеческих существ возможно лишь с большой натяжкой. А вот учиться, Альберт, пришлось недолго. Долго приходится работать над собою для того, чтобы подготовить свое сознание и тело к иному восприятию реальности. А конкретные техники ложатся на готовую базу довольно-таки быстро.

Тут внезапно снова очнулся от транса подполковник Волостных, усиленно пытавшийся сложить вновь появившиеся элементы мистической мозаики в одну картину, а это ну никак не получалось.

– Александр Иванович, а как тогда этот Гроссхейм попал в пещеру, если это не смогли сделать ни чеченцы, ни мои бойцы?

– Трудно сказать, Михаил. Чеченцев, сопроводивших Гроссхейма до пещеры, он сам и снял с хвоста, выгнав их под ракетно-бомбовый удар самолетов. И они, и твои ребята, скорее всего, в пещере попали под воздействие инфразвука. По крайней мере, общая симптоматика совпадает, и следы на энергетических телах остались очень похожие. Вот этих, – тут Александр Иванович вытащил из стопки несколько личных дел военнослужащих, – можешь смело отправлять домой на реабилитацию, к боевым выходам они не годны. Остальных тоже потрепало, но мы это дело поправим. К утру готовь бойцов для отправки в Шаройский район искать пацана.

– Александр Иванович, объясните нам, наконец-то, зачем вы нас здесь собрали? – подытожил разговор многозначительно молчавший до этого Семёныч, который был лучше остальных осведомлен о личности и способностях загадочного полковника.

– А затем, товарищи, что у нас остаются считанные часы на то, чтобы предотвратить глобальную заваруху. И я это не для красного словца сейчас говорю.

– Александр Иванович, ты давай не так масштабно-то! Конкретнее говори, – прервал полковника Белостоков.

– А конкретнее узнаете по ходу пьесы! Михаил, ты запомнил цифры, переданные атаманом?

– Так точно, даже записал! – Командир спецназа протянул обрывок листка полковнику, который долго молча смотрел на ряд цифр.

– Если это и координаты, то какие-то странные. Даже если предположить, что первые шесть цифр это градусы, минуты и секунды северной широты, а последующие шесть – восточной долготы, то что означают тогда еще три цифры. Попробуй отдать шифровальщикам, Миш, пусть покумекают, – Александр Иванович протянул листок обратно командиру спецназа и продолжил:

– Семёныч, ты как знаток архива «Аненербе» попробуй нарыть какие-нибудь карты этой местности, которыми располагали нацисты. В компьютере есть сканы всех документов по экспедициям на Кавказ.

– Миш, от тебя потребуется самая значительная помощь. Мне нужно, чтобы твои бойцы отыскали того паренька-проводника. Как отыщут, пусть берут под охрану и ждут нас на месте.

Подполковник Волостных проводил гостей в распоряжение и вернулся в помещение, где они недавно находились. Из головы никак не выходили необъяснимые способности странного московского полковника. Командир спецназа внезапно осознал, что за последние пару часов в обществе московского гостя, его вообще не клонило в сон, даже наоборот ощущалась необычайная свежесть в теле, и это с учетом практически бессонных последних суток, да и желание курить почему-то не напоминало о себе с момента их встречи. Последним штрихом в общей картине необъяснимого оказалась герань на подоконнике, точнее вновь ожившее растение, которое последние месяцы не подавало признаков жизни и воспринималось посетителями

не иначе, как некое подобие гербария. А здесь взору офицера предстал красивый ярко-красный цветок с изумрудными листьями. Командир отмел даже попытку объяснить все происходящее. «Не загромоздить бы в дурку после всего этого!» – была единственная мысль, пробившаяся в наголо бритую голову боевого офицера спецназа. Все остальные мысли почему-то не приобретали законченного содержания и рассыпались в прах под ударами защитных механизмов психики, действующей у подполковника Волостных последнее время в аварийном режиме.

Глава 9. В дорогу дальнюю

Вечером того же дня капитан спецназа Глеб Куренной и старший лейтенант Хамсутдинов, склонившись над картами вместе с подчиненными, пытались определить, где конкретно находится аул, в котором, судя по рассказам пограничника, проживал паренек-проводник. Информация, переданная им со слов командира отряда, была весьма скупой. Район поиска был не так далеко от места злополучной пещеры в Шаройском районе.

Спецназовцы даже между собой не решались обсуждать, что же конкретно произошло пару дней назад, потому как несколько человек во главе с капитаном Орловым, последние сутки валявшихся в лазарете со странными симптомами, срочно отправили в Москву. Та же участь постигла еще нескольких бойцов, которые вообще ни на что не жаловались, но после встречи в штабе со странным человеком в военной форме без знаков различий были безжалостно причислены к печальному списку временно негодных к строевой и также отправлены на восстановление пошатнувшегося психического здоровья в подмосковный секретный институт.

Капитан Куренной оторвался от карты, подошел к окну и, опершись руками на подоконник с облупившейся краской, процедил сквозь зубы:

– Слышь, ребят, что там про Орлова врачи говорят?

– Да глючить его стало на ровном месте, заговариваться стал, ерунда всякая начала мерещиться, – потупив взор, пробубнил Хамсутдинов, всерьез расстроенный таким поворотом событий. Все прекрасно понимали, что такие симптомы у болтливого до ужаса и суетного капитана Орлова ничего хорошего не предвещали.

Вася Ярымбаш, по прозвищу Хохол, добавил:

– Примерно такая же картина с остальными бойцами, Шнобель вон с покойной бабушкой полночи общался. Командир говорит, что это вроде как от инфразвука такая хрень.

– А откуда в пещере инфразвук взялся? – все так же хмуро, не отвлекаясь от созерцания дождливого осеннего вечера за окном, спросил Глеб.

– В некоторых местах в природе это встречается совершенно необъяснимым образом, – вдруг вмешался в разговор невесть откуда свалившийся загадочный военный в промокшей камуфляжной куртке с плащевыми накладками грязно-серого цвета. – Сидите-сидите, ребята, – загадочный офицер прервал попытку бойцов соблюсти уставные нормы и присел между ними на табурет.

Бойцы с опаской и недоверием смотрели на промокшего гостя, который широко улыбаясь, сверлил их глазами с хорошо уловимым стальным оттенком и выпалил:

– За товарищей своих не волнуйтесь, через пару недель будут как новые! А мы завтра в пять ноль-ноль выдвигаемся в горы.

В это время в комнату зашел подполковник Волостных с картами в руках и сразу же отвлек от посиделок Глеба и Хамсутдинова, озадачив их тщательным изучением топографии. Загадочный человек повесил на батарею промокшую «горку» и вышел в соседнее помещение, где бойцы готовились к завтрашнему боевому выходу. Несколько спецназовцев сразу пошли спать, так как в ближайшие дни эта физиологическая потребность удовлетворена, скорей всего, не будет. Кто-то приводил в порядок походную одежду и принадлежности. Тут до слуха загадочного Александра Ивановича донеслись монотонные удары по стене, на которые из бойцов никто не обращал никакого внимания.

– А это что еще за такое? – обратился он к Хохлу, паковавшему маскировочный халат в рюкзак.

– Вы про стук, Александр Иванович? Так это Мерин тренируется каждый вечер так. Мы уж привыкли, даже спится лучше от ритмичных ударов.

Александр Иванович прошел по коридору и увидел, что старший сержант Вова Меренков, в десантном «тельнике», играя мускулами, методично лупил кулаком в бетонную стену, не обращая никакого внимания на окружающих. Затем менял стойку и продолжал тоже самое другой рукой. Александр Иванович замер в изумлении и решил понаблюдать за таким необычным ритуалом отхода ко сну. А старший сержант тем временем начал долбить стену уже ребром ладони, затем локтями, потом другими частями тела, которые не сильно богатая фантазия бойца представляла в качестве грозного оружия.

Володя Меренков до армии очень увлекался карате, даже стал чемпионом страны среди юношей. Срочную он служил в ВДВ, где командным составом по достоинству были оценены крепость Володиной головы и стремление крушить кирпичи на показательных выступлениях. Так может и отбарабанил бы два года Володька, приводя в восторг начальство своими спортивно-прикладными навыками. Да нет, на втором году службы за конфликт с командиром взвода, после которого последний оказался в госпитале с серьезным сотрясением головного мозга, загремел толстолобый любитель восточных боевых искусств аккурат в объятую огнем и дымом Чеченскую Республику, и там, в составе десантно-штурмового батальона, Вовка навоёвывался от души.

А перед самым дембелем он попал в плен вместе с двумя сослуживцами. Их колонна нарвалась на засаду и была расстреляна из гранатометов. Вовку контузило взрывом и он без сознания скатился по склону вниз к ручью, где был схвачен боевиками. Его бросили в кузов армейского грузовика и повезли по горной дороге. Ведь никто из боевиков и предположить не мог, что лежащий в кузове со связанными руками десантник, у которого кровь лилась из ушей, разорвет в хлам веревку, которой были связаны руки, вылезет из кузова и на полном ходу засадит кулаком через дверное стекло водителю в голову.

Для водителя такие движения со стороны пленника тоже были полной неожиданностью, к тому же и самой последней в его недолгой, но яркой жизни. Когда водитель грузовика с проломленным виском рухнул носом в рулевое колесо, второй боевик в растерянности попытался одновременно выровнить руль и достать автомат. К Володькиному счастью, не удалось ни то, ни другое. Машина впилилась в дерево, боевик вынес головой лобовое стекло и оказался в грязи перед машиной. Володьку от удара тоже бросило вперед, но он сгруппировался и кубарем пролетел метров десять по дорожной жиже.

Догнавшие их на второй машине боевики увидели такую картину: на лежащем моджахеде сидит грязный окровавленный пленник и плющит бородатую голову их собрата своими пудовыми кулаками. Боевики открыли беспорядочный огонь, но Вовке удалось убежать без единой царапины. Через полчаса к месту гибели колонны уже понаехала тьма-тьмущая народа. Сразу же обнаружили машину с пленными полуживыми десантниками и два трупа боевиков с изуродованными черепами.

Через несколько суток в расположение родной части заявился Вовка, которому роль лешего в советской сказке была бы обеспечена, попадись он на глаза режиссеру в то время: изодранный, весь в грязи и запекшейся крови, с остекленевшим взглядом. Начальство, конечно, сильно обрадовалось, что не придется ломать голову над возвращением из плена пропавшего бойца. Но Вовка еще больше удивил всех, когда сообщил разведке примерные координаты базы боевиков в горах, на расположение которой он наткнулся, блуждая в поисках расположения своего батальона. Посланные на проверку разведгруппы подтвердили информацию, и база была уничтожена. Также разведка сообщила начальству странный факт: на подступах к базе были обнаружены заваленные ветками и камнями четыре трупа боевиков, но без пулевых, ножевых или осколочных ранений. Все были убиты предположительно голыми руками или подручными предметами – у двоих проломлены черепа, у одного пробита глазница и свернута голова, а у последнего была огромная гематома на месте кадыка. На вопросы начальства

касаемо авторства этих художеств, оставленных на телах молодых обитателей гор, Володька отпирался: «Не я, мол, и все». Впрочем, всем и так было понятно, кто чисто технически мог вытворить подобное с боевиками, оставшимися в боевом охранении около горной перевалочной базы.

Одно только удивляло, Володька всегда отличался удивительным спокойствием и миролюбием, за что вкупе со звучной фамилией, недюжинными физическими кондициями и невыраженной реакцией на женский пол, заслужил ласковое прозвище «Мерин». Только вот радовались Вовкиному чудесному возвращению недолго. Внезапно раскрывшийся талант молодого десантника по затейливо-фантазийному «выпиливанью» всякого рода мрачных персонажей из устоявшейся картины реальности был по достоинству отмечен высокопоставленными «ценителями прекрасного» из недр Главного разведывательного управления Генерального штаба. Господа прибыли в распоряжение части, коротко побеседовали с пока еще плохо слышащим от контузии бойцом и увезли того в неизвестном направлении, причем изъяв личное дело. Как и не было никогда бравого десантника, крушащего кирпичи и бутылки перед красномордыми генералами на военных праздниках.

Закончив играть роль стенобитного орудия, Мерин обернулся. Прислонившись к противоположной стене, на него с интересом смотрел Александр Иванович. Володя немного смутился, но странный военный сам прервал сконфуженную паузу:

– Вов, физуха твоя, это хорошо, но надо дальше расти!

– Вы о чем?

– Не удивляйся, я несколько лет наблюдаю за тобой и твоим интересом к боевым искусствам. Знаю, что во время отпуска ты не на родину едешь и не на отдых с девками, а посещаешь всех доступных спецов по карате и рукопашному бою. Впрочем, пока дальше «физики» ты не ушел. Но думаю, тебе будет интересно попробовать и другие грани в мордобойном искусстве. Глядишь, и получится из тебя что-то интересное.

От выданной странным военным информации с явным пренебрежением к его талантам Володя вообще растерялся, но разговор касался единственной интересующей его темы – боевых искусств. Поэтому красный, как рак, старший сержант вытер со лба пот и оценивающим взглядом с ног до головы просканировал собеседника, одетого, словно американский боевой генерал, в натовский военный свитер зеленого цвета с накладками на плечах и локтях, камуфляжные штаны и фирменные военные ботинки. При абсолютной внешней обыденности в облике и отсутствии характерных признаков вроде сломанного носа, ушей, набитых кулаков Александр Иванович почему-то производил на Володю какое-то странное впечатление. Одна мысль даже о спортивной схватке с этим человеком бросала в дрожь. Необъяснимое противоречие между логическим осмыслением внешности и возраста человека с подсознательным восприятием опасности, исходящей от него, тормозили напрочь психические процессы в ударопрочном мозгу бывшего десантника. Увидев плохо скрываемое сомнение на Володином лице, Александр Иванович все с той же добродушной улыбкой предложил немного поспаринговаться. Володя, переборов странное чувство опасности и неудачную попытку понять происходящее, согласился и вышел на середину коридора.

– Атакуй! – сквозь зубы проговорил военный без определенного возраста.

Не придавая особой серьезности данному действию, Володя решил, что ничего страшного от такого невзрачного противника ожидать не стоит, немного успокоился и пошел в атаку. Выбросив на скачке левую руку в голову противника, молодой боец успел только почувствовать, что странноватый любитель боевых единоборств слегка коснулся его предплечья своей ладонью, и Володю словно ударило током и развернуло вправо, потом что-то увесистое прилетело по затылку и сознание вдруг померкло.

Очнулся он на полу. Загадочный полковник пальцами надавил на какие-то точки в основании черепа, и Володя наконец-то смог приподняться и сесть на корточки. Вокруг стояли с открытыми ртами полуодетые сослуживцы, которые налетели сюда по крику старлея Хамсутдинова, вышедшего в туалет и заставшего картину начала спарринга лучшего рукопашника диверсионного спецназа с невзрачным странноватым офицером. Прекрасно зная бойцовские навыки Мерина, на занятиях по рукопашному бою никто не соглашался стоять с ним в паре. Мерин, будучи в боксерских перчатках, умудрялся пробивать защитные жилеты и подушки для нанесения ударов, никакая глухая боксерская защита не помогала против его колотушек. Спарринг-партнеров Мерина словно перерубало пополам. Ну, а попасть под атаку ногами, было сродни столкновению с грузовиком: тело оппонента пролетало в воздухе несколько метров и бессознательно валилось на пол. Инструкторы по рукопашному бою, которым надоело откачивать бойцов на занятиях и отправлять их в медсанчасть с поломанными ребрами и отбитыми конечностями, заставляли Мерина всю тренировку лупцевать настенные подушки или заниматься с тяжестями.

Вот почему картина с обморочным Мерином на полу вызвала у сослуживцев шоковое состояние. Большинство из них, словно в трансе, застыли посреди коридора – кто в трусах, кто в кальсонах и тельниках – не сводя глаз с сидящего на корточках бледного старшего сержанта.

– Так, товарищи, разошлись! – жестко скомандовал Александр Иванович. – Нечего тут смотреть.

Бойцы заторможено поплелись в казарму, обмениваясь недоумевающими взглядами. Александр Иванович помог подняться Володе и отвел того в отдельную комнату, где напоил чаем. После этого они недолго беседовали, и Володя вернулся в казарму весьма озадаченный, но довольный тем, что наконец-то встретил на своем жизненном пути мастера, словно из старых китайских фильмов про кунг-фу. Досужие расспросы сослуживцев Мерин игнорировал. Он пока и сам не понимал, с какой силой ему пришлось столкнуться.

На рассвете, когда бойцы готовились к погрузке в машины, Володя заметил за деревьями возле двухэтажного корпуса Александра Ивановича, стоявшего неподвижно в странной позе: вытянутый в струнку, с немного согнутыми ногами в коленях и руками, словно охватывающими невидимый ствол дерева перед грудью. Взгляд был устремлен куда-то вдаль, туда, где темное осеннее небо, словно пуховым одеялом, укрывало острые ледяные пики далекого Тушетского хребта. Туда, куда Володю с остальными бойцами скоро понесут «вертушки» на поиски молодого парня-проводника из маленького полузаброшенного аула где-то на границе с Грузией и Дагестаном.

Глава 10. Шейх

7 час. 30 мин, 30 сентября 2001 года, Ханкала, Чеченская Республика, Объединённый штаб группировки Северо-Кавказского военного округа.

– Александр Иванович! Ребята высадились и выдвинулись к заброшенному аулу, – оттрапоровал подполковник Волостных, только что закончивший радиоэфир с подчиненными, начавшими поисковую операцию на юге высокогорного Шаройского района Чечни.

– Отлично, всем остальным полная боевая готовность. Как найдут паренька, то выдвигаемся и мы.

Семёныч с Альбертом, пристально рассматривающие за столом старые немецкие карты с обозначенными на них странными с точки зрения военной топографии значками и аббревиатурами.

– Ну что, есть что-нибудь интересное? – спросил подошедший к столу Александр Иванович.

– Есть, товарищ полковник, кое-что нашли. Вот только до конца понять не можем, что здесь такое, – Семёныч указал кончиком карандаша на квадрат, где находилась злополучная гора Диклосмта, где несколько суток назад произошли странные события с самолетом и поисковыми группами.

– Так это же указан проход в скале, куда наши спецназовцы попали. Вот и стрелка здесь нарисована, – промолвил Альберт.

– Да, скорее всего это ход, тогда что вот здесь за надпись? – перевел внимание собеседников Александр Иванович, пытавшийся с увеличительным стеклом прочесть полустертую надпись.

– «Zent.Son.»... что это может означать, Семёныч?

Старый разведчик слегка приспустил очки вниз и пристальным взглядом поверх оправы принялся сверлить странные надписи.

– На ум приходит только одно, товарищ полковник, «Zentral Sonne» – «Центральное Солнце» или более известный термин «Черное Солнце» – старый оккультный символ, широко используемый нацистам и имевший особое почтение в СС.

– А причем здесь черное солнце? – удивился Альберт.

– Ну, с этим символом много связано в мистических изысканиях эсэсовской верхушки и института «Аненербе», но почему это употребляется в контексте с недрами кавказских гор – для меня загадка. И вот здесь еще одна стрелка с другого склона той же горы была нарисована, хотя ее пытались стереть.

– Да, похоже на то. Хорошо бы проверить это место на предмет наличия входа.

– Да, если нам пацан-проводник или его дед не расскажут ничего интересного, то придется шупать гору со всех сторон, – подытожил разговор загадочный полковник. – А пока ждем выхода на связь разведгруппы.

Ближе к полудню подполковник Волостных вернулся в кабинет вместе с начальником разведки воздушно-десантного полка и с порога выпалил, что в районе высадки разведгрупп закружилась какая-то странная канитель.

– Пограницы передают, что после высадки наших бойцов, несколько групп боевиков перешли границу с Грузией, произошли боестолкновения, большие потери с обеих сторон. Все рвутся в злополучный квадрат, – обрисовал картину осеннего утра уса́тый десантник.

– Так ничего удивительного! Оно и понятно, откуда ноги растут у этой кутерьмы, – сдавленно произнес Александр Иванович. А после того, как из кабинета вышел начальник разведки десантуры, добавил:

– Видать Гроссхейм недалеко смог уйти, так как кто-то всеми силами пытается нас не подпустить к горе. Свяжите меня срочно с командованием, чувствую, малой кровью не обойдемся. Волостных, что там у твоих?

– Александр Иванович, нашли паренька, он овец пас в горах. Сейчас ведет бойцов к своему деду в аул.

– Ну что ж, товарищи, мне срочно надо увидеться со стариком, можем не успеть.

– Мы с вами, товарищ полковник! – выпалил Альберт, переглянувшись с Белостоковым.

В район старинного полуразрушенного аула, затерянного высоко в горах, в помощь резко поредевшему отряду подполковника Волостных выдвинулись весьма внушительные силы: несколько «вертушек» с вэдэвэшным спецназом, сопровождаемые процессией из трех «крокодилов» – ударных вертолетов МИ-24, оцетинившихся многочисленными НАРами, пулеметами и авиационными пушками, словно огромные зловещие жуки.

При приближении к району заброшенного аула с воздуха была замечена группа боевиков порядка тридцати человек, растянувшаяся прерывистой цепью вдоль русла пересохшего ручья. МИ-24 один за другим пошли на цель.

Воздух разрезали НАРы, затрещали крупнокалиберные пулеметы и авиационные пушки. Русло ручья прочертили длинные цепочки взрывов снарядов, поднимающие в воздух фонтаны камней и грязи. Через несколько секунд русло заволокло клубами пыли и дыма от взрывов, в которых изредка просматривались человеческие силуэты, появляющиеся и пропадающие, словно пятна на старых архивных киноплёнках.

Семёныч, Альберт и остальные спецназовцы на борту смотрели в иллюминаторы и, хотя практически не видели ничего, что в те минуты происходило на земле, прекрасно представляли последствия подобных авиационных мероприятий. Из всей группы боевиков выжили несколько человек, так как остальные не смогли выбраться из каньона и бросились вперед по руслу высохшего ручья, перекрашивая камни под ногами в грязно-багровый оттенок. Авиационные удары, как правило, оставляют после себя лишь фрагменты тел вперемешку с вывороченными комьями земли и камней.

Место высадки для «вертушек» бойцы капитана Куренного выбрали очень грамотно – площадка не простреливалась снизу ущелья, а все высоты вокруг заняли или контролировали снайперы диверсионного спецназа.

Перед самой высадкой кто-то из снайперов передал, что видит несколько человек возле небольшой лесополосы на склоне горы в полутора километрах от аула.

Подполковник Волостных по рации приказал следить за ними, а в случае приближения – стрелять.

Десант высадился в считанные секунды, высыпавшись с борта, словно горох из дырявого мешка. Семёныч с Александром Ивановичем на их фоне вовсе не выделялись и, если бы не седина, вполне сошли за действующих бойцов.

Аул представлял собой несколько полуразвалившихся домов из природного камня серо-бурого цвета. Ни электричества, ни каких-то иных благ цивилизации здесь и в помине не было. Кто здесь вообще мог жить в такой глуши, представлялось загадкой.

Прибывшие спецназовцы быстро рассредоточились по местности, занимая боевые позиции.

Капитан Куренной проводил гостей к дому, у дверей которого стоял паренек лет четырнадцати в мусульманской феске, в стареньком армейском бушлате, в широких черных штанах, заправленных в шерстяные носки, и в грязных резиновых калошах.

Проведя гостей в лабиринты каменных строений, он подал знак рукой всем остановиться, а сам зашел в маленькую комнату. Послышались обрывочные фразы на чеченском, потом паренек вышел к гостям и пригласил их войти.

Взору Семёныча, Александра Ивановича и Альберта предстал древний статный старик с длинной седой бородой, завернутый в серый плащ. На голове у него была надета огромная белая баранья папаха. Правой рукой старик постоянно перебирал черные блестящие бусины четок, а вот левой руки у старика не было. Когда он повернул к гостям морщинистое обветренное лицо, стало видно, что место, где должен был находиться левый глаз, пересекал глубокий кривой шрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.